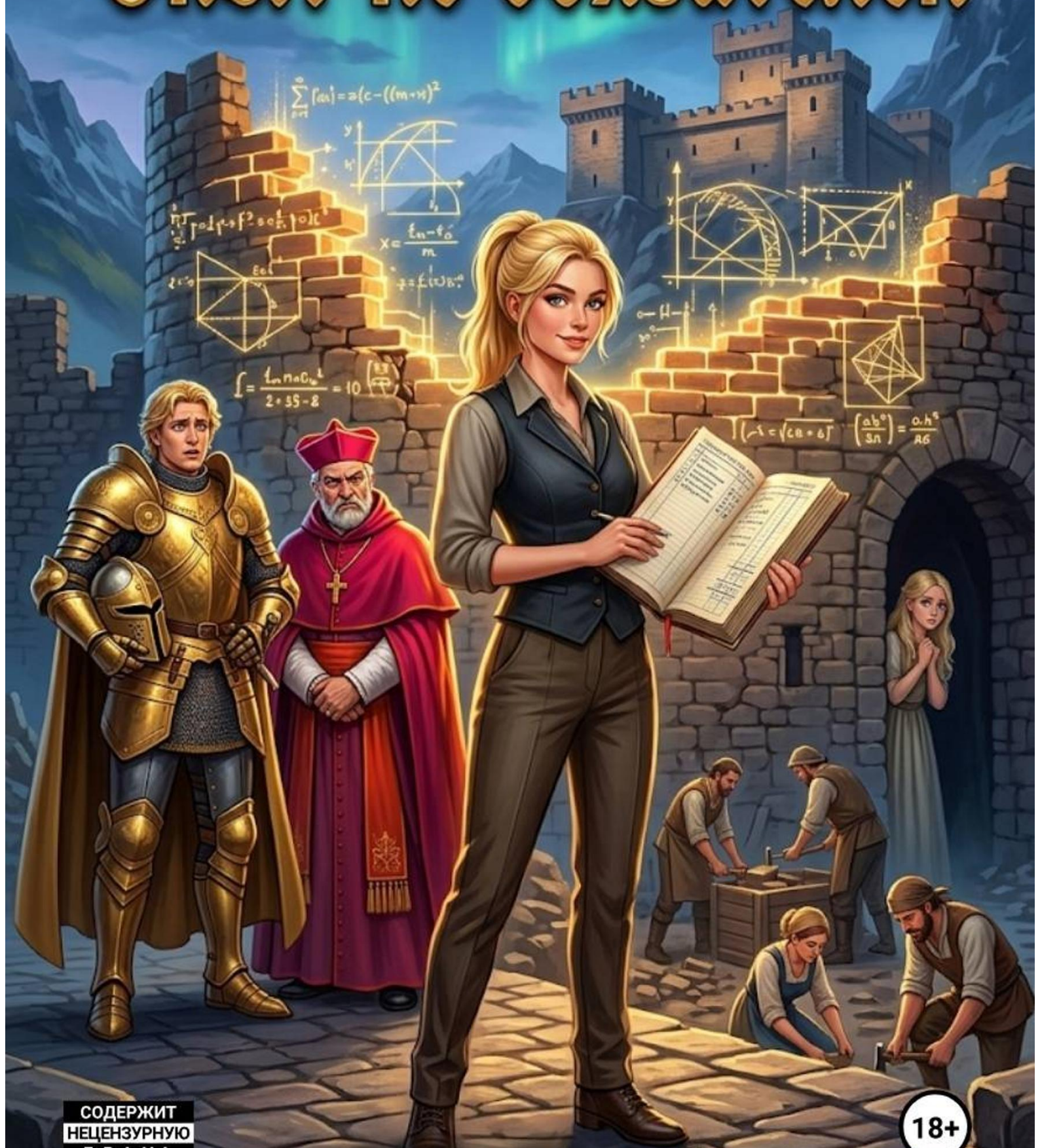

Требуется святая. Опыт не обязателен

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

K.L. Nord

K.L. Nord

**Требуется святая.
Опыт не обязателен**

«Автор»

2026

Nord K.

Требуется святая. Опыт не обязателен / К. Nord — «Автор», 2026

Подруга мечтала о принце и магии, а я — о повышении и отпуске. Но у судьбы (и у подруги) своеобразное чувство юмора. Она осталась в моем мире с моей карьерой, а меня отправила разгребать её проблемы в тело 18-летней «Святой». Вводные данные: мир на грани катастрофы, магия во мне не работает, а вместо помощи мне выделили разрушенный замок и навязанного жениха-красавчика, который больше любит себя, чем сражается. Они думают, что призвали беспомощную девочку? Ох как они ошибаются. Они призвали кризис-менеджера со стажем. Я наведу здесь порядок. Построю слуг, научу «героя» держать меч, а магию заменю математикой. Только почему тени в углах становятся всё гуще, а местные боги подозрительно молчат? Кажется, в моем трудовом договоре забыли прописать пункт о смертельной опасности... В тексте вас ждут: Героиня с характером и жизненным опытом Горе-герой, которого придется воспитывать Обустройство замка и прогрессорство Юмор, перерастающий в эпические приключения

Содержание

Глава 1. Чужое платье	5
Глава 2. Предательство	9
Глава 3. Смотрины	14
Глава 4. Приговор	20
Глава 5. Дорога и реальность	27
Глава 6. Свалка	33
Глава 7. Хозяйка Руин	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

К.L. Nord

Требуется святая. Опыт не обязателен

Глава 1. Чужое платье

Пробуждение началось с холода. Он просачивался не снаружи, а будто бы рождался где-то внутри костей, мерзкой ледяной крошкой царапая позвоночник.

Елена Викторовна поморщилась, не разлепляя глаз. В висках стучал тяжелый, глухой молот, отдаваясь тошнотой где-то в горле. Первая мысль была привычной и злой: «Никогда больше. Никакой текилы с отделом логистики. И плевать, что закрыли квартал».

Она попыталась перевернуться на другой бок, ожидая почувствовать мягкость своего ортопедического матраса и прохладу шелковой наволочки, но вместо этого плечо врезалось в твердый, неровный камень. Боль, острая и реальная, заставила её резко выдохнуть.

Это было не похмелье. Похмелье, даже самое зверское, после корпоратива в честь слияния компаний, не сопровождается ощущением, что тебя пропустили через мясорубку, а потом выкинули на бетонный пол в неотопливаемом складе.

Елена замерла, прислушиваясь.

Пахло не дорогим кондиционером её спальни и не перегаром вчерашнего веселья. Пахло сыростью, застоявшейся водой, воском и какой-то сладковатой дрянью, напоминающей ладан, но с тошнотворным металлическим привкусом. Так пахнет в старых церквях, где слишком давно не проветривали. Или в морге, который пытались замаскировать под церковь.

Она с трудом разлепила веки. Ресницы казались слипшимися, словно их смазали чем-то густым. Мир перед глазами плыл, двоился, собирался в пятна.

Она лежала на полу. Каменные плиты, истертые временем, холодили кожу сквозь тонкую ткань. Вокруг, вычерчивая сложный узор, горели свечи. Сотни свечей. Их пламя вытягивалось вверх неестественно ровными струнами, не давая тепла, только дрожащий, болезненный свет.

— Получилось... — выдохнул кто-то над головой. Голос был старческий, дребезжащий, пропитанный тем самым фанатичным восторгом, от которого у Елены всегда сводило скулы. Так обычно говорили менеджеры по продажам, впаривая заведомо убыточный проект. — О, Великая Мать, получилось!

Зрение наконец сфокусировалось.

Она находилась в каком-то подвале. Или крипте. Своды терялись в темноте, выхватываемые лишь пятнами света. А прямо перед ней стояла делегация ряженых.

Человек пять, не меньше. Все в балахонах, расшитых золотом так густо, что ткань казалась тяжелой, как ковер. В центре возвышался старик. Высокая митра на голове, посох в руке, красная мантия, ниспадающая складками. Вылитый Папа Римский, только из бюджетной постановки провинциального театра.

«Корпоратив зашел слишком далеко? — мелькнула раздраженная мысль. — Кто-то из инвесторов решил устроить квест? За мои же деньги?»

Старик в красном шагнул к ней. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, светилось елейной улыбкой. Он раскинул руки, словно собирался обнять её, грязную и лежащую на полу.

— Возрадуемся же! — провозгласил он, и эхо подхватило его голос, разнося по каменному мешку. — Святая прибыла к нам в час великой нужды! Приветствую тебя, Дитя Света, сосуд благодати...

Елена попыталась приподняться. Руки дрожали, отказываясь держать вес тела. Слабость была чудовищной, словно из неё выкачали не только силы, но и пару литров крови. Она опер-

лась локтем о камень, чувствуя, как кружится голова, и хрипло, с трудом ворочая пересохшим языком, выдавила:

— Вы кто такие, блять?

Эффект был мгновенным. Словно кто-то выключил звук.

«Папа Римский» застыл с поднятыми руками. Его благодная улыбка сползла, обнажив растерянность и какой-то мелкий, животный испуг. Стоящие за его спиной фигуры в капюшонах шарахнулись назад, как от прокаженной.

— Что?.. — просипел старик, моргая. — Что ты сказала, дитя?

Елена наконец села. Каждое движение давалось с боем. Грудную клетку сдавило, воздуха не хватало. Она чувствовала себя так, будто пробежала марафон без подготовки, хотя всего лишь поднялась.

— Я сказала, — она набрала в легкие побольше спертого воздуха, — что здесь происходит? Где я? И если это розыгрыш, то вы, господа, уже уволены. Без выходного пособия.

Старик побледнел. Он опустил руки, перехватил посох поудобнее, словно тот был дубиной, и обернулся к своим спутникам.

— Проверьте печать! — визгливо крикнул он, тыча в Елену узловатым пальцем. — Живо! Что-то не так! Свет не мог прислать... такое!

Двое из свиты, молодые мужчины с лицами, лишенными всякого интеллекта, но полными служебного рвения, бросились к ней.

Елена дернулась, пытаясь встать, но ноги запутались в длинном подоле. Она не успела.

Грубые руки схватили её за плечи, рывком развернули.

— Не дергайся, — прошипел один из них ей в ухо.

— Убрал лапы! — рявкнула Елена.

Она попыталась вырваться. Привычка сработала быстрее, чем осознание ситуации: центр тяжести вниз, резкий рывок локтем...

Ничего не вышло.

Её тело не слушалось. Оно было ватным, мягким, бесполезным. Рывок получился жалким, похожим на трепыхание пойманной рыбы. Мышцы, которые она годами тренировала в зале, исчезли. Вместо силы была пустота.

Один из жрецов бесцеремонно схватил её за запястье, задирая рукав тонкого платья. Второй уже тянул руки к вороту, намереваясь распахнуть его, чтобы осмотреть ключицы.

Это было унижительно. Это было мерзко. Как осмотр товара на таможне. Как ветеринарный контроль перед закупкой скота.

Внутри Елены, под слоем шока и физической немощи, вскипела холодная ярость. Та самая, которая заставляла замолкать совет директоров. Если тело подвело, оставался голос.

Она перестала трепыхаться. Вместо этого она подняла голову и посмотрела прямо в глаза тому, кто держал её за ворот. Тяжелым, немигающим взглядом.

— Если ты сейчас же не уберешь руки, — произнесла она тихо, с той ледяной интонацией, от которой у её подчиненных обычно потели ладони, — я тебе их оторву.

Жрец замер. В его глазах мелькнуло сомнение. Он явно не ожидал от "сосуда благодати" тона рассерженной фурии.

— Господин Верховный Жрец... — неуверенно пробормотал он, ослабляя хватку. — Печати на запястьях есть. Они... они светятся. Но она...

— Она одержима? — с ужасом предположил старик, не решаясь подойти ближе. Они забегали вокруг нее, как тараканы, которым внезапно включили свет на кухне. Суета, паника, полное отсутствие протокола действий в нештатной ситуации.

Елена воспользовалась заминкой, чтобы выдернуть руку. Она отползла назад, к стене, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле — тонкое, птичье сердце, готовое разорваться от страха.

И тут она увидела свои руки.

Елена замерла. Весь мир сузился до двух бледных ладоней.

Это были не её руки.

Её руки были руками тридцатитрехлетней женщины: ухоженные, но крепкие, с короткими ногтями, привыкшими к клавиатуре. Руки, на которые она смотрела сейчас, были чужими. Тонкие, почти прозрачные, с голубоватой сеткой вен. Пальцы — длинные, хрупкие, совершенно бесполезные. Запястья такие узкие, что их можно переломить двумя пальцами.

— Какого черта... — прошептала она.

Она коснулась волос. Вместо привычного каре до плеч пальцы запутались в густой, тяжелой волне, спускающейся ниже лопаток. Она провела ладонью по груди — высокой, упругой, но тоже какой-то... не своей. Слишком легкой.

Тело. Ей выдали другое тело.

Это не было похоже на глюк. Это ощущалось как катастрофа. Будто её, взрослую женщину, запихнули в костюм ростовой куклы, который к тому же был на два размера меньше.

Тело было юным. Лет пятнадцать, может, чуть больше. И катастрофически слабым. Не изнеженным спа-салонами, а именно слабым от природы, не знавшим нагрузок тяжелее вышивальной иглы.

Верховный Жрец, кажется, справился с первым испугом и решил вернуть контроль над ситуацией.

— Нет никакой ошибки! — заявил он, хотя голос его все еще подрагивал. — Ритуал проведен верно! Звезды сошлись! Ты — Элеонора ван дер Хейден, избранная Светом! И ты пойдешь с нами.

— Я никуда не пойду, пока мне не объяснят... — начала было Елена, пытаясь встать, опираясь о стену.

Ноги подкосились. Колени были как желе.

— Взять её! — скомандовал старик, теряя терпение. — Она бредит. Переход был слишком тяжелым. Разум помутился. Запереть её в Башне Покоя до выяснения обстоятельств. И позовите врачей!

— Я тебе дам врачей, старый маразматик! — прорычала Елена, когда её снова схватили под руки.

На этот раз их было четверо. Они подняли её легко, как тряпичную куклу. Сопrotивляться в этом теле было все равно что пытаться остановить бульдозер детской лопаткой.

Её поволокли прочь из круга свечей.

— Руки! — рявкнула она, болтая ногами в воздухе. Злость была единственным, что не давало ей скатиться в истерику. — Убрали от меня свои лапы! Я не мешок с картошкой, я сама могу идти!

Жрецы молчали, сопя от усердия. Они тащили её в темноту, туда, где угадывался проем винтовой лестницы.

Ступени были крутыми и высокими. Елену практически несли. Холод отступал, сменяясь затхлостью замкнутого пространства. Они поднимались долго. Пять минут, десять? У Елены, даже несмотря на то, что она почти не шла сама, началась одышка. Легкие горели огнем.

«Дистрофик, — зло подумала она. — Просто ходячее недоразумение. Как в этом теле вообще можно жить?»

Наконец, лестница закончилась. Тяжелая дверь со скрипом отворилась, и процессия вывалилась в коридор.

Елена зажмурилась. После полумрака подвала свет показался ослепительным.

Они оказались в широкой галерее. Высокие окна, цветные витражи, отбрасывающие пестрые пятна на пол. Стены, увешанные гобеленами. Все это выглядело дорого, помпезно и совершенно нефункционально.

Но главное было за окном.

Елена, извернувшись в хватке своих конвоиров, успела бросить взгляд на улицу.

Там не было ни парковки, ни серых московских многоэтажек, ни слякоти декабря. Там, под неестественно голубым небом, раскинулся город. Белые шпили, черепичные крыши, утопающие в зелени сады. Все это выглядело слишком ярко, слишком контрастно. Как в дешевой фэнтези-игре с выкрученными настройками насыщенности.

— Где мы? — выдохнула она, прекращая вырываться. Сил больше не было.

Один из жрецов, молодой парень с прыщавым лицом, который держал её левую руку, посмотрел на неё с жалостью пополам с брезгливостью.

— Вы в столице, святая, — буркнул он. — В Сольтерре.

Елена закрыла глаза. Сольтерра. Звучит как название дешевого курорта.

«Ладно, — подумала она, чувствуя, как сознание начинает плыть от переутомления. — Ладно. Сначала выжить. Потом разобраться с идиотами. А потом найти того, кто за это отвечает, и уволить к чертовой матери».

Глава 2. Предательство

Дверь захлопнулась с тяжелым, влажным звуком, будто крышка гроба. Следом скрежетнул замок — грубо, безапелляционно, отрезая путь назад.

Елена осталась стоять посреди комнаты, тяжело дыша. Грудную клетку сдавливало, словно невидимый корсет затянули до хруста ребер. Ярость, что гнала её по лестнице, никуда не делась, но теперь, в замкнутом пространстве, ей некуда было выплеснуться. Она чувствовала себя зверем, которого загнали в ловушку, и от этого чувства хотелось выть.

— Эй! — крикнула она, бросаясь к двери. — А ну открыли! Вы не имеете права! Я требую адвоката! Я требую звонок!

Она ударила кулаком по темному, мореному дереву. И тут же зашипела, прижимая ушибленную руку к груди.

Костяшки пальцев вспыхнули острой, злой болью. Это были не её руки. Её прежние кулаки, закаленные занятиями кикбоксингом — подарком самой себе на тридцатилетие, чтобы сбрасывать стресс после совещаний, — выдержали бы удар о дубовую доску. Эти же — хрупкие, с тонкой, почти пергаментной кожей — казались сделанными из дешевого фарфора.

— Черт... — выдохнула она, сползая спиной по шершавой поверхности двери вниз. — Черт, черт, черт.

Она сидела на холодном каменном полу, чувствуя, как этот камень жадно вытягивает остатки тепла из её нового, чужого тела. Холод здесь был хозяином. Он не просто присутствовал, он жил в этих стенах веками, пропитывал воздух, забирался под тонкую ткань дурацкого платья, кусал за лодыжки. Это был не тот бодрящий морозец, что встречал её по утрам на пробежке в парке. Это был могильный, сырой холод склепа, где солнце — редкий и нежеланный гость.

Елена заставила себя сделать глубокий вдох. Потом еще один. Паника подкатывала к горлу липким комом, но она сглотнула её. Истерика сейчас не поможет. Истерика — удел тех, у кого есть плечо, в которое можно поплакать, или хотя бы телефон, чтобы вызвать такси. У неё не было ничего.

Она поднялась, опираясь о дверную ручку — массивное, кованое кольцо, обжигающее ладонь ледяным металлом. Нужно осмотреться. Нужно понять, куда именно её зашвырнули, как мешок с просроченной крупой.

Комната была просторной, но давящей. Если это и была «золотая клетка» для той самой Святой, о которой бормотал старик, то золото давно потускнело и покрылось патиной времени.

Стены были затянуты тканевыми обоями — когда-то, наверное, бордовыми, богатыми, но теперь выцветшими до цвета свернувшейся крови. Гобелены, висевшие в простенках, изображали сцены, от которых по спине бежали мурашки: девы с воздетыми к небу руками, вокруг которых сияли нимбы, а у ног корчились какие-то твари. Лица дев были скорбными и пустыми, лица тварей — пугающе детальными, будто художник рисовал их с натуры.

В центре комнаты стояла кровать. Огромная, под тяжелым бархатным балдахином. Ткань выглядела пыльной, плотной, способной задушить, если рухнет вниз. Балдахин здесь был не для красоты — он явно защищал спящего от сквозняков, насекомых, а может, и от взглядов тех, кто мог войти без стука.

Камин — черная, закопченная пасть в стене — был пуст. Ни уголька, ни полена, ни намек на тепло. Оттуда тянуло сквозняком, пахнущим сажой и дождем.

Елена прошла вглубь комнаты, шатаясь от слабости. Тело было не просто чужим, оно было неудобным. Центр тяжести смещен, ноги слишком длинные и слабые, руки болтаются, как плети. Она чувствовала себя пилотом скоростной машины, которого пересадили на дет-

ский трехколесный велосипед с погнутом рулем. Каждый шаг давался с усилием, будто воздух здесь был плотнее.

В углу, на резном столике, стоял фаянсовый таз и кувшин с отбитым носиком. Елена подошла, надеясь умыться, смыть с себя этот липкий страх и наваждение. Вода в кувшине оказалась ледяной, застоявшейся. Она плеснула её в лицо, и кожа отозвалась покалыванием, но ясности это не прибавило.

Рядом с тазом стояли свечи. Толстые, витые, желтоватого воска. Они горели ровным, немигающим пламенем, но воска не убавлялось, и наплывов не было. Магия. Елена протянула руку, осторожно поднесла палец к огоньку. Тепло было настоящим. Хотя что-то в этом бреду было настоящим.

Она обернулась к кровати и только сейчас заметила то, что лежало поверх покрывала.

Одежда.

Это было не просто платье. Это был наряд для куклы. Белоснежное, с какими-то сложными вышивками серебром, с высоким воротом, который, казалось, призван был скрыть каждый сантиметр кожи, задушить любую попытку вдохнуть полной грудью. Рядом лежали плотные чулки, тонкая сорочка и... Елена брезгливо подцепила пальцем странную конструкцию из китового уса и ткани. Корсет.

— Вы издеваетесь, — прошептала она в тишину комнаты. — Вы серьезно думаете, что я это надену?

Вещи выглядели так, словно их приготовили для покойницы. Или для жертвы. От них исходил едва уловимый запах лаванды и нафталина — запах старых сундуков и забытых жизней. Это были вещи Той, Кто Должна Была Быть Здесь. Настоящей Святой.

Елена отдернула руку, словно ткань обожгла её. Ей стало мерзко. Будто её пытаются засушить в чужую кожу, в чужую судьбу, как в тесный футляр.

Ей нужно было увидеть улицу. Убедиться, что там, за стеклом, все еще существует нормальный мир. Может, там ездят машины? Может, там вывеска Пятерочки мигает неонем? Может, это все — просто очень дорогие декорации в каком-нибудь заброшенном замке в Праге, куда её привезли ради дурацкой шутки?

Она бросилась к окну. Оно было высоким, узким, с частым переплетом свинцовых рам. Стекло было толстым, мутноватым, с пузырьками воздуха внутри, искажающим перспективу, но сквозь него все же можно было разглядеть двор.

Надежда умерла мгновенно, с тихим всхлипом.

Внизу, в прямоугольнике двора, вымощенном неровным булыжником, кипела жизнь. Чужая, непонятная, дикая жизнь.

Какие-то люди в грубых, серых и коричневых балахонах тащили плетеные корзины. Кто-то рубил дрова — звук топора долетал с опозданием, глухим «тук-тук». Проехала телега, запряженная не лошадью, а каким-то мохнатым зверем, похожим на быка, но с неестественно длинной шеей. Женщина в чепце выплеснула помой прямо на камни, и стайка кур — или что-то очень на них похожее, но с радужными перьями — с кудахтаньем бросилась клевать грязь.

Грязь, суета, сизый дым из труб. Никаких проводов. Никакого асфальта. Никакого пластика.

Это было настоящее, кондовое, вонючее Средневековье. С примесью магии, которая не делала его чище, только страшнее.

Елена прижалась лбом к холодному стеклу. От него несло зимой.

— Я попала, — сказала она своему мутному отражению в темном стекле. — Я конкретно, капитально попала.

Она отвернулась от окна и начала мерить шагами комнату. Туда-сюда. Пять шагов от окна до кровати. Четыре от кровати до комода. В голове было пусто и звонко, как в колоколе после удара. Она пыталась зацепиться хоть за что-то.

Ее взгляд упал на комод. Там, в овальной раме на подставке, стояло зеркало. Поверхность его была идеально гладкой, серебристой, намного чище, чем оконное стекло. Дорогое зеркало.

Елена замерла. Она избегала этого момента. Она чувствовала чужое тело, видела свои руки, но лицо... Лицо — это личность. Пока она не видела лица, она могла притворяться, что это просто дурной сон.

Она подошла к зеркалу медленно, как подходят к краю обрыва.

Вдох. Выдох. Взгляд.

Из зазеркалья на неё смотрела незнакомка.

Елена Викторовна привыкла видеть в зеркале уверенную женщину с жесткой складкой между бровей, с умными карими глазами, вокруг которых залегли тени от недосыпа и бесконечной работы за монитором. Женщину, которая знала себе цену.

Здесь же была кукла.

Золотистые волосы, густые, волнистые, рассыпались по плечам, как золотой водопад. Кожа — фарфорово-бледная, без единого изъяна, без пор, словно нарисованная. Глаза...

Елена схватилась за край комода, чтобы не упасть.

Глаза были огромными, ярко-голубыми, с пушистыми ресницами. Губы — пухлые, розовые, чуть приоткрытые в немом изумлении.

Это было лицо ангела. Лицо ребенка, которого хочется защитить. Лицо существа, которое создано, чтобы стоять в нише храма и благословлять прихожан, а не решать проблемы логистики.

Но самое страшное было не в этом.

Самое страшное было в том, что это лицо было ей знакомо. До боли, до рези в глазах знакомо.

Она знала этот разрез глаз. Она знала этот изгиб бровей. Она знала эту ямочку на подбородке, которая появлялась, когда девушка улыбалась.

— Марина... — выдохнула Елена, и имя, произнесенное чужим, мелодичным голосом, обожгло горло кислотой.

Марина. Её лучшая подруга. Единственная подруга, если быть честной. Та, с которой они прошли огонь, воду и медные трубы становления бизнеса. Марина, которая всегда была «творческой натурой», которая верила в гороскопы, таскала Елену к гадалкам и вечно влипала в странные истории.

Девушка в зеркале была её копией. Только юной, лет шестнадцати-восемнадцати. Той Марины, какой она могла бы быть, если бы не любила шумные вечеринки, фастфуд и бессонные ночи над отчетами.

В голове, словно вспышка молнии, взорвалось воспоминание. Яркое, болезненное, перекрывающее реальность этой убогой комнаты.

...Музыка долбит по ушам так, что вибрирует пол. Неоновые огни клуба, где они праздновали закрытие сделки. Марина тянет её за руку, смеется, что-то кричит, но слов не слышно из-за басов. Она пьяна не от алкоголя, а от какого-то дикого, отчаянного возбуждения.

— Пойдем! Я хочу тебе кое-что показать! Это сюрприз!

Они выходят через служебный вход. Холодный воздух московской ночи бьет в лицо. Но Марина ведет её не к такси. Она ведет её в какие-то гаражи, в промзону за клубом.

— Марин, ты сдурела? — смеется Елена, спотыкаясь на каблуках. — Нас тут прирежут.

— Не бойся! — Марина оборачивается. Её глаза лихорадочно блестят. — Это место... оно особенное. Сегодня звезды сошлись. Сегодня открывается проход.

Елена тогда подумала, что подруга перебрала. Или опять начиталась своих эзотерических публиков. Но Марина не шутила.

Они зашли в какой-то ангар. Там было темно, пахло мазутом и... тем самым запахом. Воском, озоном и чем-то сладковато-приторным.

Посреди ангара светился круг. Не нарисованный мелом, а настоящий, висящий в воздухе овал мерцающего, молочно-белого света. Он гудел, как высоковольтная линия.

— Что это? — Елена остановилась, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Страх был животным, иррациональным.

Марина стояла у края круга. Она смотрела на это сияние не с любопытством, а с узнаванием. И с ненавистью.

— Это за мной, Лен, — сказала она тихо, но в тишине ангара каждое слово падало, как камень. — Время вышло. Меня зовут домой.

— Домой? Ты о чем? Твой дом на Кутузовском!

Марина обернулась. В свете портала её лицо казалось жесткой маской. В нем не было ни капли той мягкости, которую Елена привыкла видеть.

— Нет, Лен. Мой дом там, — она кивнула на светящийся овал. — Там, где я родилась. Где меня растили как племенную кобылу. Где мне нельзя было громко смеяться, нельзя было носить удобную одежду, нельзя было выбирать. Я — Святая, Лен. Сосуд для силы. Меня отправили сюда, чтобы я набралась энергии, подросла, увидела мир... А теперь они хотят меня обратно. Чтобы я снова села в клетку и служила символом.

Елена смотрела на подругу и не верила. Это звучало как бред сумасшедшего. Но светящийся круг был реальным.

— Марин, пошли отсюда, — Елена шагнула к ней, протягивая руку. — Мы разберемся. Тебе не надо никуда идти.

— Правильно, — улыбнулась Марина. Улыбка вышла страшной, кривой. — Мне не надо. Я не хочу. Я не вернусь в этот ад. Мне нравится здесь, Лен. Мне нравится моя работа. Мне нравится моя квартира. Мне нравится, что я могу послать кого угодно к черту и мне за это ничего не будет. Я хочу жить, понимаешь? Жить, а не быть иконой.

— Ну так и не ходи! — крикнула Елена.

— Нельзя не ходить, — покачала головой Марина. — Портал не закроется, пока не получит Святую. Или... того, кто займет её место. Того, в ком есть искра.

Елена замерла. Холод прошел по спине.

— Ты о чем?

Марина подошла ближе. В её глазах не было вины. В них была стальная решимость человека, который спасает свою шкуру любой ценой.

— Прости, — сказала Марина.

Но в этом «прости» не было раскаяния. Так говорят, когда увольняют сотрудника ради оптимизации бюджета. Так говорят, когда закрывают дверь перед носом. Это было не извинение. Это было прощание.

— Что?..

Марина толкнула её.

Сильно. Двумя руками, в грудь. Вложив в этот толчок всю свою силу, всё своё желание остаться в мире текилы, карьеры и свободы. Всю свою ненависть к тому миру, который ждал её по ту сторону.

Елена не удержала равновесия. Шпильки скользнули по бетону. Она взмахнула руками, пытаясь ухватиться за воздух, за подругу, за реальность...

И полетела спиной вперед в гудящее, белое ничто.

Последнее, что она видела — лицо Марины. Спокойное. Уверенное. Лицо победительницы, которая только что выгодно обменяла свою свободу на чужую жизнь.

...Воспоминание погасло, оставив после себя тошноту и дрожь в коленях.

Елена стояла перед средневековым зеркалом, вцепившись пальцами в край комода так, что побелели костяшки. Она смотрела на свое отражение — на юную версию той, кто её предал.

Пазл сложился. Со щелчком, как затвор пистолета.

Марина не просто сбежала. Она подменила её. Она знала, что портал заберет тело. Она знала, что Елена, с её характером и энергией, подойдет как замена.

— Сука... — прошипела Елена. Голос сорвался на хрип. — Какая же ты сука, Марина.

Она поняла всё. Марина хотела остаться человеком. Живой женщиной, которая может пить вино, спать с мужчинами, строить карьеру и носить джинсы. А Елену она отправила сюда. В это тело. В эту келью. Быть «Святой». Быть символом. Быть вещью.

Гнев, горячий, удушливый, черный, поднялся внутри волной цунами. Это была не просто обида. Это была ярость преданного зверя.

— Ах ты тварь! — заорала Елена, срываясь.

Она схватила с комода тяжелую серебряную щетку для волос и со всей силы швырнула её в стену. Щетка ударилась о гобелен с глухим стуком и отлетела в угол.

Елена заметалась по комнате. Ей хотелось крушить. Ей хотелось разорвать эти пыльные занавески, разбить это лживое зеркало, поджечь эту чертову кровать с балдахинном.

Она — Елена Викторовна, которая построила себя сама, которая вытаскивала людей из дерьма, которая верила этой дряни как сестре — оказалась разменной монетой. Марина купила себе жизнь ценой жизни Елены.

— Ненавижу! — крикнула она, хватаясь за голову руками. Пальцы запутались в густых, чужих волосах. — Ненавижу тебя!

Она упала на колени перед кроватью, ударяя кулаками по матрасу. Слезы жгли глаза, но она не давала им течь. Плакать — значит сдаться. Плакать — значит признать, что Марина победила.

— Ты думала, я здесь сохну? — прошептала она, глядя в пол. — Думала, я стану послушной овечкой? Буду молиться и улыбаться?

Дыхание постепенно выравнивалось. Ярость перегорала, оставляя после себя холодную, звенящую пустоту. И в этой пустоте начала расти новая эмоция.

Решимость.

Елена подняла голову. Она вытерла сухие глаза тыльной стороной ладони.

Марина хотела свободы? Марина не хотела возвращаться в клетку? Отлично. Елена её понимала. Елена тоже не собиралась сидеть в клетке.

Она медленно поднялась с колен. Ноги все еще дрожали, но теперь это была дрожь напряжения, а не слабости.

Она подошла к зеркалу снова. Взглянула в голубые глаза той, чью судьбу украла Марина, и чью судьбу теперь придется прожить ей.

— Ну что ж, подруга, — тихо произнесла Елена. В голосе больше не было истерики. Только лед. — Ты сыграла грязно. Ты выиграла раунд. Но ты забыла одну вещь. Я никогда не проигрываю войну.

Она провела рукой по волосам, откидывая их назад.

— Я выживу здесь. Я разберусь, что это за мир и что это за чертова святость. Я переверну тут всё вверх дном, если понадобится. И я найду способ вернуться. А когда я вернусь... ты пожалеешь, что не вернулась в это средневековье.

Елена расправила плечи, пытаясь почувствовать себя собой в этом хрупком теле. Нужно понять правила игры. Нужно понять, кто здесь главный и за какие ниточки дергать. Она не Святая. Она — кризис-менеджер. И у неё новый, очень сложный проект.

В этот момент замок в двери снова лязгнул.

Елена резко развернулась. Сердце пропустило удар, но лицо осталось спокойным. Она выпрямилась, вздернула подбородок, готовая встретить любого, кто войдет.

Тяжелая дубовая створка медленно поползла внутрь, открывая проход в темный коридор.

Глава 3. Смотрины

Дверь отворилась не рывком, а плавно, с тяжелым, полным достоинства скрипом, будто предупреждая: сейчас войдет кто-то важный. Или тот, кто очень хочет казаться важным.

Елена выпрямилась, расправила плечи, инстинктивно принимая свою любимую «стойку для совещаний» — подбородок чуть вверх, взгляд прямой, руки спокойно опущены вдоль тела. Даже в дурацком платье, больше похожем на ночную рубашку для викторианского призрака, она не собиралась выглядеть жертвой.

На пороге стоял тот самый старик в красном, которого она про себя окрестила «Папой Римским». Теперь, при свете факелов из коридора, он выглядел еще более зловеще и одновременно жалко: лицо, похожее на печеное яблоко, кривилось в гримасе, которую, вероятно, следовало считать благостной улыбкой, но глаза оставались холодными и колючими, как льдинки.

Но смотрела Елена не на него.

Рядом со стариком, заполняя собой, казалось, половину дверного проема, стоял мужчина.

Если бы Елена увидела его в своем мире, она бы хмыкнула и прошла мимо. Это был типаж, который она называла «рекламная пауза». Высокий, широкоплечий, с копной идеально уложенных золотистых волос, которые, казалось, подсвечивались изнутри специальным софитом. Его лицо было настолько симметричным и правильным, что вызывало зевоту: волевой подбородок с ямочкой, прямой нос, ослепительно белые зубы.

Он был одет в камзол, расшитый серебром, узкие штаны, подчеркивающие мускулистые бедра, и высокие сапоги из мягкой кожи. На поясе висел меч с рукоятью, усыпанной камнями. Весь его вид кричал: «Посмотрите на меня! Я герой! Я спаситель! Я стою три тысячи долларов за час съемки для каталога мужского белья!»

Елена знала таких мужчин. Обычно они ошивались вокруг богатых дам бальзаковского возраста в дорогих фитнес-клубах или работали инструкторами по йоге, выискивая себе спонсоршу. Эгоизм, самолюбование и абсолютная пустота внутри — вот их стандартная прошивка.

— Ваше Святейшество, — пророкотал этот Аполлон местного разлива. Голос у него был глубокий, бархатный, явно поставленный. — Неужели это и есть наша... потерянная надежда?

Он скользнул взглядом по Елене. В его голубых глазах не было ни уважения, ни интереса — только оценивающая скука. Так смотрят на лошадь, которую пытаются продать по завышенной цене: вроде и зубы целы, но масть не та.

Старик в красном поморщился, словно у него внезапно заболел зуб.

— Элеонора, — произнес он скрипучим голосом, игнорируя вопрос спутника. — Позволь представить тебе сира Сириуса де ла Вальера. Первого клинка Ордена, Защитника Света и твоего... сопровождающего.

При слове «сопровождающий» он сделал такую паузу, будто хотел сказать «тюремщика», но вовремя сдержался.

— Сириус, — кивнул старик красавчику. — Это... святая.

Слово «святая» вылетело из его рта как плевок. В нем было столько яда, разочарования и скрытой угрозы, что Елена мгновенно поняла: её акции на этой бирже упали ниже плинтуса. Они ждали чудотворную батарейку, мощный артефакт, а получили пустую оболочку с характером.

Сириус шагнул в комнату, принес с собой запах дорогого парфюма — мускус, сандал и что-то цветочное. Слишком сладкое для мужчины, который носит меч.

— Святая, — протянул он, склоняя голову в легком, едва заметном поклоне. Это был не поклон уважения, а скорее издевательская пародия. — Вы выглядите... утомленной. Переход был тяжелым? Или просто не привыкли к отсутствию перин?

Елена посмотрела на него в упор. Внутри все кипело от ярости на Марину, на этот мир, на этих клоунов, но внешне она осталась ледяной глыбой.

— Я не привыкла к некомпетентности, сир, — ответила она спокойно. Её новый голос звучал мелодично, но интонации были стальными. — И к запаху нафталина.

Сириус моргнул. Улыбка на его лице дрогнула. Он явно ожидал, что юная дева зардеется, начнет лепетать извинения или упадет в обморок от его красоты.

— Нафталина? — переспросил он.

— Не берите в голову, — отмахнулась Елена. — Это слишком сложный термин для вашего... кругозора.

Жрец кашлянул, прерывая назревающую неловкость.

— Довольно, — каркнул он. — Совет знати ожидает нас в Большом зале. Мы и так потеряли слишком много времени на... адаптацию. Следуй за нами, дитя. И помни: ты должна молчать, пока к тебе не обратятся. Твоя задача — выглядеть смиренной.

«Смиренной, — подумала Елена, делая шаг к двери. Ноги все еще были ватными, но она заставила их двигаться твердо. — Ага, сейчас. Разбежалась. Смирение — это для тех, у кого нет плана».

Они вышли в коридор.

Замок оказался огромным и холодным. Каменные стены, сложенные из грубых серых блоков, давили своей массой. Факелы в железных держателях чадили, отбрасывая на потолок пляшущие тени. Сквозняки гуляли по полу, забираясь под подол платья, заставляя кожу покрываться мурашками.

Елена шла, глядя прямо перед собой, но её мозг работал в режиме сканера.

Планировка — запутанная, оборонительная. Узкие окна-бойницы. Винтовые лестницы, на которых удобно обороняться. Это не дворец для балов, это крепость. Здесь ждут войны. Или уже ведут её.

Она чувствовала спиной взгляд Сириуса. Он шел чуть позади, вальяжно, позвякивая шпорами (зачем шпоры в помещении? Ах да, понты). Он явно наслаждался ситуацией: ведет под конвоем беспомощную девчонку, которая теперь полностью зависит от его меча и его настроения.

«Наслаждайся, пока можешь, павлин, — зло подумала Елена. — В моем мире таких, как ты, я увольняла пачками за профнепригодность и харрасмент».

Они прошли через анфиладу залов, каждый из которых был мрачнее предыдущего, и наконец остановились перед огромными двустворчатыми дверями. Дерево было темным, почти черным, украшенным резьбой в виде переплетенных терновых ветвей.

Стражники у дверей — два амбала в пластинчатых доспехах — ударили алебардами об пол и распахнули створки.

В лицо ударил теплый воздух, пахнувший воском и жареным мясом.

Большой зал оправдывал свое название. Он был огромен. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке. Стены были увешаны гобеленами и знаменами, которые слегка покачивались от движения воздуха. В огромном камине, где можно было целиком зажарить быка, ревел пламя, но даже оно не могло полностью прогреть это каменное чрево.

Посреди зала, на небольшом возвышении, стоял круглый стол. Не тот легендарный стол короля Артура, а массивный, грубый стол из темного дуба, покрытый картами и свитками.

За столом сидели люди.

Елена быстро пересчитала их. Шестеро мужчин и две женщины.

Они не выглядели как сказочные принцы и принцессы. Это были хищники. Люди, облеченные властью, привыкшие повелевать и убивать. Тяжелые бархатные камзолы, меховые накидки, массивные золотые цепи — все это кричало о богатстве, но лица были жесткими, обветренными, отмеченными печатью цинизма.

Когда Елена вошла, разговоры стихли. Восемь пар глаз уставились на неё. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с презрением, кто-то с откровенной скукой.

— Ваше Святейшество, — прогремел голос одного из мужчин. — Вы заставили нас ждать.

Елена попыталась вспомнить все, что знала о придворном этикете. В голове всплыла только «Игра престолов». Как там вела себя Санса Старк? Вежливые поклоны, опущенные глаза, «да, милорд», «нет, милорд». А как вела себя Серсея? Холодный взгляд, прямая спина и бокал вина в руке.

Вина у Елены не было, но спину она держала.

Она подошла ближе, чувствуя, как сердце колотится о ребра, и сделала глубокий, плавный реверанс. Не слишком низкий, чтобы не выглядеть служанкой, но достаточно уважительный, чтобы не нарваться на казнь в первые пять минут.

«Только бы не упасть, — молилась она про себя. — Эти туфли — орудие пыток».

— Приветствую вас, благородные господа, — произнесла она, выпрямляясь.

Мужчина, который говорил первым, сидел во главе стола (хотя у круглого стола нет главы, этот человек своим видом создавал центр притяжения). Ему было лет пятьдесят. Седая борода, шрам, пересекающий левую бровь, тяжелый взгляд серых глаз. На его пальцах сверкали перстни с крупными камнями. Король? Или просто главный феодал?

— Так вот она, — пророкотал он, не отвечая на приветствие. Он рассматривал Елену как диковинную зверушку. — Та, ради кого мы опустошили казну на ритуал.

Папа Римский — Верховный Жрец — выступил вперед, заслоняя Елену плечом.

— Герцог, — начал он елеинным голосом. — Позвольте представить вам Элеонору. Святая вернулась к нам из иных миров.

— Вернулась, — хмыкнула одна из женщин. У неё было острое, хищное лицо и высокая прическа, украшенная жемчугом. — Но выглядит она... блекло. Где Сияние, Верховный? Где та мощь, о которой ты пел нам соловьем последние три года? Я не вижу ауры. Я вижу только перепуганную девчонку в платье не по размеру.

Елена мысленно поставила этой женщине плюсики за наблюдательность. Платье и правда жало в груди и болталось в талии.

Жрец занервничал. Он перебрал пальцами четки, висевшие на поясе.

— Переход был... сложным, леди Изольда. Границы миров стали жестче. Скверна давит на барьер. Святая... она потеряла часть накопленной силы при прорыве. Ей нужно время. Время и молитвы.

— Время? — Герцог ударил кулаком по столу. Звук был как выстрел. Елена не вздрогнула, хотя внутри все сжалось. — У нас нет времени, жрец! Северные заставы горят! Твари лезут из Разломов каждую ночь! Мы ждали пятнадцать лет, пока девчонка напитается силой в другом мире! Ты клялся, что она вернется как живое оружие! А ты привел нам... что? Разряженный артефакт?

Елена насторожилась.

«Напитается силой?» — мысль царапнула сознание.

Значит, Марину отправили не просто «посмотреть мир». Её отправили как аккумулятор на зарядку. В тот, другой мир, где магии нет, но есть что-то другое? Или, наоборот, где энергии в избытке?

«Так вот почему ты не хотела возвращаться, подруга, — поняла Елена. — Ты знала, что тебя выжмут досуха. Ты знала, что ты здесь не человек, а батарейка для их магического щита».

Гнев на Марину смешался с холодным пониманием ситуации. Её не просто предали. Её подставили под удар вместо неисправного оборудования.

— Сила вернется! — поспешно заверил Жрец, кланяясь. — Нужно лишь посетить Святые Источники. Пройти путем Паломника. Восстановить связь с землей Сольтерры.

— Паломничество? — скривился герцог. — Через полстраны, кишашей монстрами? И кто поведет эту... пустышку?

Тут вперед выступил Сириус.

О, это был его звездный час. Он шагнул в круг света, отбрасывая эффектную тень. Поправил перевязь меча. Вздернул подбородок так, чтобы свет факелов идеально очертил его профиль.

— Я, милорд, — провозгласил он голосом, полным патетики. — Я, Сириус де ла Вальер, клянусь своей честью и кровью, что доставлю Святую к Источникам. Я стану её щитом и мечом. Ни одна тварь не коснется её, пока я жив. Я проведу её сквозь тьму, и она воссияет вновь, дабы спасти наш мир!

Елена еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Какая пошлость. Какой дешевый театр. Ему не хватало только оркестра на заднем плане и развевающегося плаща.

Герцог посмотрел на Сириуса скептически, но потом махнул рукой.

— Ладно. Де ла Вальер хорош в рубке, если не любит своего отражения в клинке. Пусть будет так. Завтра на рассвете выступаете. И если ты, жрец, снова нас обманул... — он не договорил, но угроза повисла в воздухе тяжелым топором. — Уведите её.

Аудиенция была окончена. Елену, по сути, даже не спросили. Её показали, оценили, признали бракованной, но подлежащей ремонту, и отправили на склад.

Жрец поспешно схватил её за локоть и потащил к выходу. Сириус следовал за ними, сияя от самодовольства. Он получил миссию. Он получил главную роль.

Как только тяжелые двери закрылись за их спинами, отрезая шум Большого зала, маска героя мгновенно сползла с лица Сириуса.

Он обогнал Жреца и преградил Елене путь. Теперь, в пустом коридоре, он чувствовал себя хозяином положения.

Он наклонился к ней, опираясь рукой о стену прямо над её головой. Классический жест пикапера-неудачника: вторжение в личное пространство, создание иллюзии доминирования.

— Ну что, крошка, — подмигнул он. Куда делся бархатный баритон? Теперь в голосе звучали развязные нотки. — Повезло тебе. Могла бы попасть к какому-нибудь старому пердуну-гвардейцу, а досталась мне.

Елена медленно подняла на него глаза. От него несло дорогим вином — видимо, успел пригубить перед выходом.

— Досталась? — переспросила она тихо.

— Ну да, — самодовольно ухмыльнулся Сириус. — Не бойся. Я парень не обидчивый. Будешь вести себя хорошо — и дорога будет приятной. Я знаю, как обращаться с... хрупкими вещами. Тебе сейчас страшно, я понимаю. Чужой мир, монстры... Но ты можешь расслабиться. Просто держись за меня. Делай, что я говорю. И, может быть, я даже позволю тебе... отблагодарить твоего спасителя.

Он опустил взгляд на её губы, потом ниже, на вырез платья. Намек был настолько прозрачным, что его можно было использовать вместо оконного стекла.

Жрец, стоявший рядом, сделал вид, что изучает гобелен на стене. Видимо, домогательства героя к святой не входили в список его проблем.

Внутри Елены что-то щелкнуло.

Усталость, страх, боль в чужом теле — все это спрессовалось в холодный, острый кристалл.

Она вспомнила всех тех менеджеров среднего звена, которые пытались объяснить ей, как делать её работу. Всех тех инвесторов, которые называли её «милочкой» перед тем, как она разносила их финансовые модели в пух и прах.

Она не отшатнулась. Наоборот, она сделала полшага вперед, сокращая дистанцию настолько, что Сириусу пришлось невольно отпрянуть.

— Слушай сюда, мальчик, — произнесла она. Не громко. Но таким тоном, каким объявляют о банкротстве компании.

Улыбка Сириуса слегка померкла.

— Что?

— Убери руку, — сказала Елена. — Ты перекрываешь мне кислород. И перестань светить своими зубами, это раздражает.

— Эй, полегче... — начал он, нахмурившись. — Я вообще-то твой защитник. Без меня ты труп.

— Без тебя я — неизвестная переменная, — отрезала Елена. — А с тобой я — мишень. Ты же сияешь, как новогодняя елка, Сириус. Ты шумный. Ты самовлюбленный. Ты пахнешь так, будто искупался в бочке с дешевыми духами. Любой монстр с обонянием учует нас за километр.

Сириус выпрямился, его лицо пошло красными пятнами.

— Ты... да как ты смеешь? Я лучший клинок...

— Ты павлин, — перебила его Елена, глядя ему прямо в глаза. Взгляд её голубых, ангельских глаз был страшнее любого проклятия. — Ты распушил хвост перед этими стариками, потому что тебе нужна слава. Тебе плевать на мою безопасность. Тебе плевать на мир. Ты просто хочешь, чтобы о тебе слагали песни.

Она ткнула его пальцем в грудь, прямо в серебряную вышивку. Тонкий, слабый палец, но жест был полон такой властности, что Сириус моргнул.

— Так вот, запомни, герой. Я не «крошка». И я не «хрупкая вещь». Я — твоя работа. Твой единственный шанс не облажаться перед герцогом. Если со мной что-то случится — голову снесут тебе. Не монстры. А тот бородатый мужик с круглым столом. Так что заткни свой эгоизм, убери свои сальные намеки и веди себя профессионально. Иначе я сама скормлю тебя первому же волку. Они любят яркое и глупое мясо.

Сириус открыл рот, но не издал ни звука. Он был в шоке. Он привык, что женщины падают к его ногам, а не отчитывают его, как нашкодившего школьника. Его шаблон был разорван в клочья.

— Ты... ты безумная... — прошептал он.

И в этот момент за их спинами раздался скрип.

Двери Большого зала, которые, как оказалось, были закрыты не плотно, медленно разошлись в стороны.

В проеме стоял герцог. И леди Изольда. И еще пара советников. Они явно вышли следом, чтобы обсудить детали без лишних ушей, и стали свидетелями всей сцены.

Повисла звенящая тишина.

Герцог смотрел на Сириуса, который все еще стоял, прижатый к стене моральным пресвосходством хрупкой блондинки. Потом он перевел взгляд на Елену.

В его серых глазах не было гнева. В них мелькнуло что-то похожее на удивление. И, возможно, тень уважения.

— Скормить волку, говоришь? — прогудел герцог, поглаживая бороду.

Сириус побледнел так, что стал сливаться со своим белоснежным воротником. Он выглядел униженным, раздавленным, похожим на побитую собаку. Вся его спесь слетела, как шелуха.

Елена медленно повернулась к герцогу. Она не стала оправдываться. Она просто встретила его взгляд и чуть приподняла бровь.

— Если он будет плохо работать, милорд, — спокойно сказала она. — Эффективность требует дисциплины.

— Интересно, — пробормотала леди Изольда, разглядывая Елену уже совсем другим взглядом — как смотрят на опасный клинок, который внезапно оказался в ножнах для столо-

вого ножа. — Очень интересно. Кажется, Верховный Жрец не во всем нам солгал. Искра в ней определенно есть.

Елена почувствовала, как внутри разливается мрачное удовлетворение.

Пусть они считают её слабой. Пусть думают, что она — разряженная батарейка. Но она только что выиграла первую битву. Она показала зубы.

— Мы можем идти? — спросила она, не обращая внимания на Сириуса, который готов был провалиться сквозь землю.

Герцог усмехнулся — коротко, хищно.

— Идите, Святая. Идите. Я буду с интересом ждать ваших... отчетов.

Елена кивнула и, не оглядываясь, пошла по коридору прочь, оставляя позади униженного героя и озадаченную знать.

Жизнь в этом аду, возможно, будет недолгой. Но скучной она точно не будет.

Глава 4. Приговор

Тяжелые створки дверей Большого зала сомкнулись за их спинами с глухим, окончательным стуком, отрезая свет факелов, запах жареного мяса и внимательные взгляды хищников, именующих себя знатью.

В холодном, продуваемом сквозняками коридоре повисла тишина. Но длилась она ровно секунду.

Маска благостного старца слетела с Верховного Жреца мгновенно. Он резко развернулся к Елене и Сириусу, и его лицо, обычно бледное и елейное, пошло красными пятнами гнева.

— Вы... — прошипел он, брызгая слюной. — Вы хоть понимаете, что натворили?!

Он ткнул узловатым пальцем в грудь Сириусу, который все еще выглядел так, будто его огрели пыльным мешком по голове.

— Ты! Первый клинок! Позволил девчонке унижить себя перед герцогом! Ты стоял там, как общипанный петух, пока она диктовала свои условия! Герцог теперь будет смотреть на Орден как на сборище шутов!

Сириус открыл было рот, чтобы огрызнуться, но Жрец уже переключился на Елену. Он навис над ней, сверкая глазами, в которых плескался страх.

— А ты... Ты хоть понимаешь, в какую яму я нас загнал из-за твоей пустоты? — прохрипел он. — Мне пришлось солгать герцогу! Пришлось выдумать это проклятое паломничество к Источникам, чтобы объяснить, почему ты не сияешь, как положено Святой!

Елена спокойно выдержала его взгляд.

— Это была ваша ложь, святой отец, — ответила она холодно. — Я лишь подыграла. Герцог был готов разорвать нас на месте за то, что вы подсунили ему «нерабочий артефакт». Так что вместо того, чтобы орать, сказали бы спасибо, что мы вышли оттуда с головами на плечах.

Жрец задохнулся от такой наглости. Он схватился за сердце и тяжело задышал.

— Спасибо?! — взвизгнул он. — Ты не понимаешь, глупая девчонка. Герцог дал добро, но герцог — это власть меча и золота. А Источники... Источники принадлежат магам. Чтобы выпустить Святую из замка по тропе Силы, нужно разрешение Совета магов.

Елена приподняла бровь.

— И в чем проблема? Соберите их и получите подпись.

— Проблема в том, — зло процедил Жрец, — что Совет магов — это не придворные лизоблюды. Это старые, вьедливые колдуны. Они охраняют магию ревнивее, чем дракон свое золото. Они захотят проверить тебя. Досконально. И если они решат, что ты недостойна ступить на священную землю, никакое заступничество герцога не спасет тебя.

Он нервно зашагал по коридору, с усилием ступая по плитам.

— Мне нужно время, чтобы собрать кворум. Они съедутся не раньше, чем через три дня. Три дня, чтобы придумать, как объяснить им, почему Святая пуста, как дырявый кувшин.

Он резко остановился и ткнул пальцем в сторону темного прохода, ведущего к башне Елены.

— Слушайте меня внимательно. Оба. Эти три дня вы должны сидеть тише воды, ниже травы. Ты, — он зыркнул на Елену, — не высовываешься из своих покоев. Никаких речей, никаких выходок. Изображай смирение и благочестие.

Затем он перевел взгляд на Сириуса, который уже начал приходить в себя и возвращать привычное высокомерное выражение лица.

— А ты, де ла Вальер, головой отвечаешь за то, чтобы она никуда не влезла. Приставь к ней охрану. И еще... я дам ей в услужение послушника из наших. Брата Олдоса. Пусть следит за каждым её вздохом.

— Я не нуждаюсь в няньках, — фыркнул Сириус, поправляя перевязь.

— Ты нуждаешься в мозгах, но их тебе, увы, боги не отсыпали, — огрызнулся Жрец. — Все. С глаз моих долой. И молитесь, чтобы Совет магов был в хорошем настроении.

Он развернулся и, шурша тяжелыми одеждами, поспешил прочь по коридору, бормоча под нос что-то о неблагодарных идиотах.

Елена посмотрела ему вслед, потом перевела взгляд на Сириуса. Тот ответил ей кривой ухмылкой.

— Ну что, «святая», — протянул он. — Похоже, мы застряли здесь на три дня. Постарайся не умереть от скуки в своей келье.

— Постарайся не умереть от собственной важности, — парировала Елена и направилась в свою башню.

Следующие три дня превратились в странный, тягучий лимб ожидания. Совет магов был назначен не сразу — старикам требовалось время, чтобы собрать свои скрипучие кости и доехать до столицы. Елена использовала эту паузу, чтобы провести, как она это называла, «аудит текущих условий содержания».

Время в этом замке тянулось, как патока на морозе — густо, липко и невыносимо медленно.

Елена оказалась заперта в своей комнате с ощущением, что её посадили под домашний арест в музее средневекового быта, где экспонаты пытаются тебя убить либо холодом, либо скукой.

Первым пал бастион под названием «камин».

На следующее утро после смотрин к ней приставили некоего брата Олдоса. Это был тощий, вечно шмыгающий носом юноша в серой рясе, чья магическая сила, судя по всему, ограничивалась умением зажигать свечи и смотреть на мир взглядом побитого спаниеля.

Утро встретило Елену таким холодом, что вода в кувшине для умывания покрылась тонкой корочкой льда...

— Мне нужен огонь, — заявила она, кутаясь в тонкое одеяло, которое грело не лучше, чем газетный лист. — В камине. Сейчас.

Олдос переступил с ноги на ногу, пряча руки в широкие рукава рясы.

— Светлая госпожа, — прогундосил он, не поднимая глаз. — Согласно уставу, Святая должна умерщвлять плоть холодом, дабы дух её оставался чист и не был обременен мирскими желаниями. Сейчас лето, и топить камин не положено по лимиту...

Елена медленно села на кровати. Её новое тело все еще болело, мышцы ныли от непривычной жесткости ложа, но голос... О, этот голос был её главным оружием.

— Послушай меня, мой сладкий, — проворковала она, и от этой ласковой интонации Олдос вздрогнул, как от удара хлыстом. — Умерщвление плоти — это прекрасно, когда ты фанатик с горячим супом в желудке. Но если я заболею пневмонией и сдохну до того, как ваш драгоценный Совет решит, что со мной делать, кто будет отвечать? Ты?

Олдос побледнел, его глаза забегали.

— Но... дрова...

— Мне плевать на лимиты, — Елена встала и подошла к нему вплотную. Ростом она была ниже, но ментально возвышалась над ним, как небоскреб над ларьком. — Ты маг или где? Щелкни пальцами. Зажги эти чертовы поленья. Или ты хочешь, чтобы я рассказала Верховному Жрецу, что его послушник настолько бездарен, что не способен выполнить простейшую просьбу Избранной? Думаешь, он похвалит тебя за экономию ресурсов, когда «сосуд благодати» покроется инеем?

За дверью послышался сдавленный смешок. Сириус, который теперь дежурил у её покоев, явно наслаждался шоу. Ему нравилось, когда Елена распекала кого-то другого, а не его.

Олдос сглотнул. В его глазах читалась паника. Он явно представил себе гнев начальства, и эта перспектива пугала его больше, чем нарушение устава. Через минуту в камине весело трещал магический огонь — бездымный, яркий и, слава богу, теплый.

— Умница, — похвалила его Елена, как дрессированную болонку. — А теперь принеси мне одежду. И если это снова будет ночная рубашка для покойницы, я сожгу её в этом самом огне. Мне нужно что-то плотное. Шерсть, лен. И плащ с глубоким капюшоном. Я иду гулять.

Одежду ей достали. Не королевскую, конечно, но вполне сносную. Темно-синее платье из грубой шерсти, которое колосось, но грело, и серый плащ, явно с чужого плеча. В этом наряде, накинув капюшон на лицо, чтобы не светить своей «святой» физиономией, она была похожа на гувернантку из небогатого дома, но это было лучше, чем роль жертвенной овцы в кружевах.

Елена вышла из своей башни. Сириус, естественно, увязался следом, позвякивая шпорами и всем своим видом выражая вселенскую скуку.

— Тебе нельзя далеко уходить, — буркнул он, когда они спустились во внутренний двор. — Приказ герцога.

— Я инспектирую территорию, — бросила Елена, не оборачиваясь. — Расслабься, герой. Я не сбегу. Куда мне бежать? В лес к волкам? Или ты боишься, что я украду серебряные ложки?

Замок оказался устроен бестолково. Это была типичная средневековая крепость: нагромождение построек, узкие переходы, минимум удобств. Елена насчитала всего три функциональных зоны: её подвал-башня, Большой зал для пафосных речей и хозяйственный блок. Все остальное — пустые, пыльные коридоры, заваленные старой мебелью.

«Логистика — ноль, — отмечала она про себя, проходя мимо конюшен, откуда несло навозом прямо в окна жилых помещений. — Санитарные нормы — отрицательные. Энергоэффективность — отсутствует. Кто проектировал этот кошмар? Пьяный архитектор?»

Она заглянула в сад — заросший, дикий, с поломанными скамейками и фонтаном, в котором вместо воды гнила прошлогодняя листва. Сириус фыркал и демонстративно зажимал нос надушенным платком, когда они проходили мимо куч мусора.

Но настоящим испытанием для нервов «героя» стала кухня.

Елена направилась туда целенаправленно. Кухня — это сердце любого предприятия, будь то логистическая компания или замок. Если ты хочешь знать, чем дышит организация, иди в курилку или в столовую.

Когда она толкнула тяжелую дверь, в лицо ударил жар, запах жареного лука, хлеба и пряностей. Огромное помещение было закопченным, шумным и полным пара.

Работа встала мгновенно. Поварята замерли с ножами, толстая женщина у котла — явно местный шеф-повар — выронила поварешку. Все уставились на странную пару: сияющего, как начищенный медный таз, Сириуса и маленькую фигурку в сером плаще.

Сириус брезгливо сморщил свой идеальный нос.

— Зачем мы здесь? — процедил он, стараясь не касаться стен. — Здесь воняет потом и жиром. Это место для черни. Пойдем отсюда, святая. Негоже тебе марать подол об этот пол.

Елена остановилась. Медленно повернулась к нему. Вся кухня смотрела на них. Люди, уставшие, потные, в грязных фартуках, сжались, ожидая привычного пинка или окрика от благородного господина.

— Сириус, — сказала Елена громко, чтобы слышали все. Её голос звенел в тишине, перекрывая гудение печей. — Ты идиот.

На кухне стало так тихо, что было слышно, как лопаются пузыри в кипящем супе.

— Что?! — задохнулся он, краснея пятнами.

— Ты слышал. Эти люди, — Елена широким жестом обвела помещение, — встают до рассвета, чтобы ты, надутый индюк, мог жрать свою утку в яблоках. Они работают в жаре, пока ты полируешь свой меч и любишь себя в зеркало. Они — топливо этого замка. Без них

ты сдохнешь с голоду через два дня, потому что твои руки способны только махать железкой, а не печь хлеб.

Она подошла к женщине у котла. Та смотрела на неё с ужасом пополам с благоговением.

— Как вас зовут? — спросила Елена мягко, совсем другим тоном.

— М-мирли, ваша светлость... то есть, ваша святость... — пролепетала повариха, поспешно вытирая руки о передник.

— Мирли, у вас пахнет божественно, — Елена улыбнулась. И это была не дежурная улыбка для партнеров, а искренняя. Она действительно хотела есть, а не клевать те сухие корки, что ей носили в комнату. — Можно мне попробовать? Прямо сейчас?

Мирли дрожащей рукой отломил кусок горячего хлеба, макнула его в густой соус и протянула ей.

Сириус издал звук, похожий на сдавленный рвотный позыв.

— Ты не будешь это есть! Из её рук! Это... это антисанитария! Ты же святая!

Елена взяла хлеб, отправила его в рот и с наслаждением прожевала. Это было вкусно. Грубо, сытно, по-настоящему.

— Запомни, мальчик, — сказала она, проглотив кусок и облизнув пальцы, глядя на Сириуса как на нашкодившего котенка. — Никогда не плюй в колодец, из которого пьешь. И никогда не обижай тех, кто готовит тебе еду. Иначе однажды ты найдешь в своем супе не только муху, но и кое-что похуже. Челядь — это не грязь под ногами. Это люди, которые создают твой комфорт. И они заслуживают уважения.

Она подмигнула Мирли. Женщина расцвела. В её глазах, и в глазах всех поварят вокруг, зажегся огонек, который Елена видела у своих сотрудников, когда выбивала им премии перед советом директоров. Лояльность. Теперь она знала: на этой кухне её не отравят. И, возможно, даже будут подкармливать тайком от жрецов.

Сириус вылетел в коридор, бормоча проклятия о сумасшедших женщинах и испорченных манерах. Елена вышла следом, чувствуя спиной теплые взгляды.

«Один отдел захвачен, — подумала она с мрачным удовлетворением. — Осталось разобрататься с топ-менеджментом».

День Совета магов настал через трое суток.

Елену разбудили рано, снова нарядили в то самое белое «святое» платье (пришлось терпеть, дресс-код есть дресс-код, даже если он бесит), и повели.

Она ожидала увидеть какой-нибудь тайный зал с пентаграммами, башню астрономов или, на худой конец, уютный кабинет с дубовым столом. Но её снова привели в Большой зал.

— У вас что, дефицит недвижимости? — пробормотала она себе под нос, оглядывая знакомые своды. — В этом замке есть только подвал, кухня и этот ангар? Где переговорные? Где кабинеты? Seriously, ребята, вам нужен нормальный офис-менеджер.

В центре зала, там, где в прошлый раз сидел Совет знати, теперь расположились они. Маги.

Зрелище было удручающим. Если знать выглядела опасно, как стая волков, готовых грызть глотки, то Совет магов напоминал дом престарелых на выезде. Десяток стариков в синих мантиях, расшитых серебряными звездами. Длинные седые бороды, лысины, трясущиеся руки, опирающиеся на посохи.

«Совет директоров, — хмыкнула Елена про себя. — Типичный, закостенелый совет директоров старой закалки. Сексизм, эйджизм и полная оторванность от реальности в комплекте. Сейчас начнут рассказывать, как мы хорошо жили при царе Горохе».

Во главе стола сидел самый древний из них. Его лицо напоминало кору тысячелетнего дуба, а глаза прятались под кустистыми бровями. Архимаг Валериус. Елена запомнила имя, которое с придыханием произнес брат Олдос.

Рядом с ним суетился её старый знакомый — Папа Римский, он же Верховный Жрец. Он выглядел нервным, потным и очень хотел, чтобы этот день поскорее закончился. Его можно было понять: он привел не тот товар, и теперь ему предстояло объясняться с отделом контроля качества.

— Приведите её в круг! — прокрипел Архимаг, даже не поздоровавшись.

Елену подвели к центру зала, где на полу был выложен мозаикой сложный узор. Она встала, сложив руки на груди, и посмотрела на стариков прямым, тяжелым взглядом.

— Элеонора, — начал Архимаг, и его голос звучал как шорох сухих листьев. — Мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать твою силу. Знать требует гарантий. Мы требуем доказательств. Прикоснись к Оку Истины.

Один из магов поднес к ней бархатную подушку, на которой лежал прозрачный кристалл размером с дыню. Он был идеально чистым, холодным на вид.

Елена вздохнула. Она знала результат заранее. Она чувствовала это тело — оно было пустым. В нем не было той вибрации, о которой говорила Марина. В нем была только усталость и человеческая физиология. Но спектакль нужно было доиграть до конца.

Она протянула руку и положила ладонь на шар.

Тишина.

Ни вспышки, ни света, ни даже статического электричества. Кристалл остался куском стекла.

Маги подались вперед, вытягивая шеи. Жрец закрыл глаза рукой, словно у него началась мигрень.

— Ничего, — констатировал Архимаг равнодушно, словно объявлял остановку автобуса. — Пустота. В ней нет Искры. Вообще. Даже меньше, чем в обычном человеке. Она... непригодна.

Зал взорвался.

— Обман! — крикнул кто-то слева, стуча посохом.

— Жрецы подсунули нам куклу!

— Казнить! — предложил другой, с жиденькой бороденкой, трясась от возмущения.

— Это оскорбление магии! Мы потратили казну на пустышку!

— Нельзя казнить! — возразил третий, более разумный. — Народ уже знает о пришествии! Бунт поднимется! Мы обещали им спасение! Если мы уьем Святую через неделю после явления, нас самих поднимут на вилы!

— Спрятать её! В темницу!

— Нет, отправить обратно!

— Нельзя обратно, портал закрыт!

Елена стояла, убрав руку с шара, и слушала этот балаган. Они обсуждали её жизнь так, будто решали, списать ли сломанный принтер или попытаться сдать его по гарантии. Никто не смотрел на неё. Она была объектом. Проблемой в годовом отчете. Ошибкой в коде.

Ей это надоело.

— Господа! — её голос, усиленный акустикой зала и наработанной годами командной интонацией, перекрыл старческое бормотание.

Они замолчали. Десять пар глаз уставились на неё с возмущением. Как смеет принтер разговаривать?

Елена сделала шаг вперед, входя в зону их личного пространства.

— Вы ходите по кругу, — сказала она, обводя взглядом каждого из присутствующих. — Позвольте мне обрисовать ситуацию вашими терминами, раз уж вы сами не можете. Вы провели дорогостоящую сделку по слиянию миров. Вы вложили бюджет в призыв. Вы разрекламировали продукт — меня — перед акционерами, то есть перед народом и знатью. А продукт оказался... нерабочим.

Архимаг нахмурился, пытаясь переварить метафоры, но суть уловил. В его глазах мелькнул интерес.

— И что ты предлагаешь, дерзкое дитя? — спросил он, подаваясь вперед.

— Если вы меня казните, — Елена загнула палец на своей тонкой руке, — вы признаете свою ошибку. Народ решит, что Совет магов и Церковь — некомпетентные идиоты, которые убили надежду. Это кризис доверия. Бунты, падение авторитета, возможно, урезание финансирования со стороны герцога. Вы готовы потерять свои мягкие кресла?

Жрец вздрогнул. Она попала в точку.

— Если вы оставите меня здесь, во дворце, — она загнула второй палец, — правда всплывет. Все увидят, что я не свечусь, не лечу больных и не метаю молнии. Позор будет тем же, только растянутым во времени. Слухи поползут, и через месяц вас назовут шарлатанами.

— Она права, — прокаркал кто-то из магов. — Девчонка мыслит здраво. Слишком здраво для святой.

— У меня есть решение, — продолжила Елена, глядя прямо в глаза Архимагу. — Ребрендинг. И удаленная работа.

— Что? — не понял он.

— Ссылка, — перевела она на их язык. — Вы объявите, что Святая должна удалиться от мирской суеты. Что моя сила настолько... тонка и специфична, что требует длительной медитации в уединении. Где-нибудь очень далеко. В глуши. В самом проблемном, богами забытом регионе, куда никто из знати не сунется с проверками.

В глазах Архимага зажегся огонек понимания. Он был умным стариком. Циничным, как и она сама. Он увидел выход.

— «Накопление сил», — медленно произнес он, пробуя идею на вкус. — Паломничество к истокам... Это звучит убедительно. И это даст нам время. Год, два... А там, глядишь, или сила проснется, или... ты героически погибнешь в борьбе с темными силами, став мученицей.

«Или вы найдете новую дуру», — мысленно закончила за него Елена.

— Именно, — кивнула она. — Я исчезаю с радаров. Вы сохраняете лицо. Народ верит, что я молюсь за них где-то в лесах. Все выигрывают. Идеальная сделка.

Архимаг побарабанил сухими пальцами по столу.

— Хм... А что взамен? Ты ведь не просто так это предлагаешь. Ты торгуешься.

— Условия, — Елена улыбнулась. Холодно, по-деловому, как акула, почуявшая кровь. — Я не собираюсь жить в шалаше. Мне нужно поместье. Или замок. Пусть старый, пусть на границе, но с крышей. Мне нужно обеспечение. Деньги. Золото. И не подачки, а нормальный бюджет на содержание «святой особы».

— Допустим, — кивнул он. — Что еще?

— Книги, — сказала она твердо. — История, география, законы, основы магии (даже если я не могу её творить, я должна понимать теорию), бестиарий. Всё, что есть в вашей библиотеке. Я должна знать этот мир, чтобы выжить в нем.

— Знания — это опасно, — прищурился Архимаг. — Зачем пустышке знания?

— Незнание — это смерть, — парировала Елена. — Вы же не хотите, чтобы ваша Святая умерла от того, что съела не ту ягоду или поклонилась не тому идолу? Это будет глупо. И потом, раз уж я буду сидеть в глуши, мне нужно чем-то занять мозги.

Архимаг переглянулся с Верховным Жрецом. Тот активно закивал, видя в предложении Елены спасательный круг для своей карьеры.

— Хорошо, — наконец произнес старик. — У тебя есть хватка, дитя. Странная, чуждая нам, но... эффективная. Мы дадим тебе поместье. Грейхолд. Это на границе с Пустошами. Место суровое, глухое, но крепкое. Дадим золото. Дадим книги.

Елена едва заметно выдохнула. Получилось.

— Но, — поднял он палец, — есть одно условие с нашей стороны.

Она напряглась.

— Вы не поедете одна. Герцог уже назначил вам защитника. И мы не можем отменить его приказ, не вызвав конфликта с Короной.

— Сириус, — простонала она. — Только не этот павлин. Уберите его. Он бесполезен.

— Сир де ла Вальер, — поправил Архимаг с тенью ехидной улыбки. — Он поедет с вами. И свита. Слуги, охрана. Мы должны создать видимость настоящего паломничества. Вы будете под присмотром, Элеонора. И этот присмотр будет докладывать нам о каждом вашем шаге.

Значит, шпионы. Ну, этого следовало ожидать.

— И еще, — добавил Жрец, осмелев. — Никаких... вольностей. Вы должны поддерживать образ. Молитвы, посты, скромность. Хотя бы на людях.

Елена посмотрела на них. Кучка стариков, решающих судьбу мира, в котором они ничего не контролируют.

— Договорились, — сказала она. — Грейхолд. Золото. Книги. И этот павлин в нагрузку. Я согласна.

Архимаг хлопнул ладонью по столу.

— Решено. Завтра вы отправляетесь. И да помогут вам боги, ложная святая. Потому что там, куда вы едете, наши молитвы вас не достанут.

Елена поклонилась. Не низко, а так, как кланяются равным партнерам после закрытия сложной сделки.

— Справлюсь, — бросила она, разворачиваясь к выходу. — Я привыкла работать в условиях кризиса.

Двери Большого зала распахнулись перед ней. За ними ждал коридор, ухмыляющийся Сириус и новая, совершенно безумная жизнь в ссылке. Но теперь у неё был план. И бюджет. А с бюджетом Елена Викторовна могла перевернуть даже этот средневековый ад.

Глава 5. Дорога и реальность

Путь к Грейхолд начался не с цокота копыт и скрипа колес, а с тягучего, липкого ожидания, запертого в четырех стенах.

Сразу после Совета магов, когда двери Большого зала захлопнулись за спиной Елены, отрезая её от соборища стариков в звездных мантиях, Верховный жрец — тот самый, кого она про себя окрестила «Папой Римским» — перехватил её локоть. Хватка у него была неожиданно цепкой, как у хищной птицы.

Он не потащил её в темницу, нет. Он с вежливой, но непреклонной настойчивостью сопровождал её обратно в ту самую комнату-келью, которую Елена уже успела возненавидеть.

— Слушай меня внимательно, дитя, — прошипел он, когда они оказались у порога. Елейная маска слетела с его лица, обнажив усталость и раздражение бюрократа, у которого горит годовая план. — Ты выторговала себе условия. Ты получила свое поместье, золото и книги. Но не думай, что ты победила.

Елена высвободила руку и брезгливо отряхнула рукав.

— Я не победила, святой отец. Я оптимизировала убытки. Ваши и свои.

— Не дерзи, — процедил он. — До отъезда осталось два дня. И эти два дня ты проведешь здесь. Тихо. Смиренно. Как мышь под метлой. Если высунешь нос, если попытаешься устроить еще одно представление или сбежать на кухню к челяди — клянусь Светом, никакой кареты не будет. Я отправлю тебя в Грейхолд на старой, хромой муле, в рубище, и без единого медяка в кармане. И плевать мне на гнев народа. Скажу, что такова воля небес — путь страданий. Ты меня поняла?

Елена посмотрела ему в глаза. Он не шутил. Этот старик был напуган, а напуганные люди способны на самые идиотские и жестокие поступки.

— Предельно ясно, — кивнула она. — Я буду сидеть тихо. Мне нужно упаковать вещи.

— У тебя нет вещей, — злорадно напомнил он и захлопнул дверь.

Щелкнул замок. Елена осталась одна.

Из удобств в её распоряжении были все те же: жесткая кровать, ночной горшок с расписными узорами (видимо, чтобы гадить было эстетичнее) и кувшин с водой. Из развлечений — узкое окно, выходящее во внутренний двор.

Первые часы она провела, меряя комнату шагами. Пять шагов от двери до окна. Четыре от окна до кровати. Это напоминало ей карантин в отеле во время пандемии, только без Wi-Fi и доставки еды.

К вечеру тишина за окном сменилась шумом. Сначала это были отдельные выкрики, стук молотков и скрип телег. Потом гул стал нарастать, превращаясь в непрерывный звук растревоженного улья.

Елена подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу, в прямоугольнике двора, сновали люди. Их было больше, чем обычно. Грузчики тащили какие-то тюки, конюхи выводили лошадей, кто-то начищал сбрую, кто-то ругался из-за телеги, перегородившей проезд.

Дверь скрипнула. На пороге появилась служанка с подносом — та самая Марта с кухни, видимо, сдержала слово и прислала кого-то с нормальной едой, а не с монастырской кашей. Девушка была юной, веснушчатой и явно напуганной тем, что вошла в покои «Святой».

— Что там происходит? — спросила Елена, кивнув на окно, принимая поднос. Пахло жареной курицей и чесноком. Божественно.

Служанка вздрогнула, чуть не уронив кувшин с морсом.

— Ох, госпожа... Простите... Это сборы. Весь замок на ушах стоит. Готовят ваш кортеж.

— Мой кортеж? — хмыкнула Елена, отламывая кусок хлеба. — Судя по шуму, они готовят крестовый поход, а не поездку одной женщины в глушь.

— Так ведь... путь неблизкий, — осмелела девушка, видя, что «Святая» не собирается метать молнии. — Припасы нужны, охрана, сменные лошади. Люди говорят, вы едете спасать границы. Что вы будете молиться на рубежах, чтобы тьма не прошла.

Елена почувствовала укол совести. Люди верили. Эти простые девчонки, конюхи, повара — они верили в сказку, которую сочинили трусливые старики, чтобы прикрыть свои задницы.

— Да, — тихо сказала она. — Именно этим я и буду заниматься.

Следующий день прошел в том же режиме. Елена ела, смотрела в окно и пыталась разговаривать служанок, которые приносили еду и забирали горшок. Ей было скучно до зубовного скрежета. Она привыкла к ритму мегаполиса, к бесконечным звонкам, встречам, решениям. А здесь время застыло.

Пару раз в дверь скребся Сириус.

— Эй, святая! — кричал он из коридора своим бархатным баритоном. — Ты там жива? Может, хочешь послушать, как я однажды завалил вепря одной левой?

— Иди к черту, Сириус! — отвечала Елена, не вставая с кровати. — Или иди тренируй правую, пригодится!

— Злюка, — обиженно бурчал «герой» и удалялся, звеня шпорами.

День отъезда наступил внезапно.

После обеда дверь распахнулась, и в комнату вплыла процессия во главе с Жрецом. За ним семенили две пожилые женщины с суровыми лицами, неся в руках ворох одежды.

— Пора, — коротко бросил Жрец.

— Я готова, — Елена встала. На ней было то самое шерстяное платье, которое она выбила у брата Олдоса.

— В этом? — Жрец скривился, как от зубной боли. — Ты смеешься надо мной? Ты — символ веры, а не пастушка. Оденьте её.

Женщины набросились на Елену молча и профессионально. Шерстяное платье полетело в угол. Вместо него на Елену натянули нечто, напоминающее золотой саркофаг.

Это была тяжелая парчовая мантия, расшитая золотыми нитями так густо, что ткань стояла колом. Под неё — шелковую тунику, которая холодила кожу. На голову водрузили венец с вуалью, скрывающей лицо.

— Я похожа на новогоднюю елку в торговом центре, — прокомментировала Елена, пытаясь пошевелить руками. Вес наряда был килограммов пять, не меньше.

— Ты похожа на Святую, — отрезал Жрец. — И запомни уговор. Ты выходишь, садишься в карету и машешь рукой. Молча. Улыбайся, если хочешь, под вуалью не видно. Но чтобы ни звука.

Он подошел к ней вплотную и понизил голос:

— Послушай, дитя. Я не враг тебе. Если ты будешь вести себя разумно там, в Грейхолде... Совет магов будет искать способ. Мы поднимем архивы. Может быть, есть путь вернуть тебя обратно и притянуть настоящую девчонку. Нам ведь тоже не нужна пустышка. Так что сотрудничай.

Елена посмотрела на него сквозь густую вуаль.

— Ловлю на слове, — сказала она. Надежды было мало, но это было лучше, чем ничего. Её вывели из башни.

Когда они вышли на широкое крыльцо замка, Елена невольно замерла.

Двор был забит людьми. Не солдатами, не придворными в шелках. Это был простой народ. Горожане, слуги, ремесленники. Они стояли плотно, плечом к плечу, создавая живой коридор от ступеней до ворот.

Как только Елена появилась в дверях, толпа выдохнула единое: «О-о-о...» А потом взорвалась криками.

— Благословите, матушка! — Спасительница! — Свет с нами!

Елена сглотнула ком в горле. Она видела лица — изможденные, усталые, но сейчас светящиеся фанатичной надеждой. Матери поднимали детей повыше, чтобы те увидели золотую фигурку. Старики тянули руки, пытаясь коснуться хотя бы воздуха, которым она дышала.

Знати не было. Герцог и его свита брезговали толкаться с чернью. Они наблюдали за этим, наверное, из высоких окон, попивая вино.

Елена натянула на лицо свою лучшую «корпоративную улыбку» — ту самую, с которой она объявляла о слиянии компаний, зная, что половину персонала уволят. Она кивала, плавно поводила рукой, как её учили на курсах публичных выступлений.

«Простите меня, — думала она, глядя на чумазого мальчишку, который восторженно визжал. — Я не спасительница. Я просто женщина, которая очень хочет домой».

Внизу ждала карета. И надо отдать должное Совету магов — они не поскупились. Экипаж был добротным, крепким, из темного дерева, с гербами Солнца на дверцах. Позади были приторочены два окованных железом сундука — её «золотой парашют».

У дверцы стояла девушка в дорожном платье — служанка. Рядом — кучер, кряжистый мужик с лицом, похожим на кирпич. И охрана — десяток всадников в кольчугах.

И, конечно, Сириус. Он гарцевал на своем белом жеребце, сияя доспехами так, что больно было смотреть. Он принимал восторги толпы на свой счет, улыбаясь направо и налево.

Елена села в карету. Мягкие подушки приняли её тело. Дверца захлопнулась, отсекая гул толпы, но не до конца.

— Трогай! — скомандовал Сириус.

Карета качнулась и покатила вперед.

Они ехали через двор, и Елена впервые оценила масштаб замка. Это был целый город в городе. Конюшни, кузницы, склады, казармы — все это тянулось бесконечной чередой каменных построек.

Они проехали под сводами внутренней стены и оказались в городе.

Елена прильнула к окну, отодвинув бархатную шторку.

Столица Сольтерры — так, кажется, назывался этот мир? — была красива. Невероятно красива. Это было не грязное, темное средневековье из учебников истории. Это было фэнтези, воплощенное в камне и дереве.

Дома — двух- и трехэтажные — были выкрашены в яркие цвета: охра, лазурь, терракоту. Черепичные крыши блестели на солнце. На балконах цвели цветы в горшках. Улицы были широкими, мощеными ровным булыжником. Вдоль дорог стояли фонарные столбы — явно магические, без стекол и фитилей.

Лавки с вывесками в виде кренделей, сапог, свитков. Фонтаны с чистой водой. Люди здесь были одеты прилично, выглядели сытыми и довольными жизнью.

— Неплохо живут, — пробормотала Елена. — Очень даже неплохо. Инфраструктура развита, малый бизнес процветает.

Живой коридор не заканчивался. Люди стояли вдоль всей дороги, провожая карету взглядами. Елена махала им рукой, чувствуя себя королевой на параде.

Карета подъехала к городским воротам. Они были огромными — циклопическая арка из серого камня, окованная железом, с подъемной решеткой толщиной в руку. Стены уходили ввысь метров на двадцать, не меньше. На башнях дежурили маги и лучники.

«Серьезная фортификация, — отметила Елена. — Зачем такая мощь? Кого они боятся?»

Колеса прогрохотали по подъемному мосту, перекинутому через широкий ров с водой.

И сказка закончилась.

Резко. Мгновенно. Словно кто-то выдернул шнур из розетки, питающей этот яркий мир.

Елена моргнула, не веря своим глазам.

За воротами начинался другой мир.

Здесь не было брусчатки — только разбитый, пыльный тракт, изрытый колеями. Здесь не было ярких красок. Мир был словно присыпан серым пеплом.

Трава вдоль дороги была не изумрудной, а бурой, жесткой, как проволока. Деревья стояли скрюченные, с темной, потрескавшейся корой, их листва казалась пыльной и больной.

Домов почти не было. А те, что встречались, напоминали маленькие крепости. Глухие стены без окон, высокие частоколы из заостренных бревен, рвы. Некоторые строения были сожжены — черные остовы печных труб торчали в небо, как гнилые зубы.

Людей тоже не было видно. Пустота. Тишина, нарушаемая только скрипом колес и стуком копыт.

Елена смотрела на этот пейзаж, и холод пробирался ей под кожу, несмотря на теплую мантию. Контраст был чудовищным. Словно она выехала из Диснейленда прямо в зону боевых действий.

Напротив Елены сидела служанка. Та самая девушка, что стояла у кареты. Её звали Берта. Крепкая, румяная, с простым, но умным лицом. Она спокойно вязала какой-то чулок, не обращая внимания на пейзаж за окном.

— Почему так? — спросила Елена, не отрываясь от окна. — Почему в городе праздник, а здесь... как на кладбище?

Берта подняла глаза, спицы в её руках на секунду замерли.

— Так ведь это Застенье, госпожа, — ответила она просто, как само собой разумеющееся. — Здесь защита слабая. Купол магов только город накрывает, да ближние поля знати. А дальше — дикие земли.

— Дикие? — переспросила Елена. — Я вижу дорогу. Я вижу следы полей. Здесь жили люди.

— Жили, — кивнула Берта. — Пока монстры не пришли. Они часто нападают. Особенно по ночам. Твари из Пустошей. Они жрут все живое. Скот, людей, даже собак. Те, кто побогаче, перебрались в город под защиту стен. А беднота... кто смог, частокол поставил, кто не смог — тех уж нет.

— А как же магия? — Елена нахмурилась. — Совет магов?

— Маги далеко, госпожа. Пока они долетят, от деревни одни угольки останутся. Да и дорого это — мага вызывать. Проще самим отбиваться. Или бежать.

В этот момент сбоку от окна раздался стук копыт. Сириус поравнялся с каретой. Он ехал, гордо выпрямив спину, и его доспехи были единственным ярким пятном в этой серости.

— Не слушайте эти бабьи сказки, святая! — крикнул он, перекрывая шум колес. Он явно слышал разговор. — Монстры — это проблема, да, но не такая уж страшная, когда есть мы! Орден рыцарей Света! Мы выжигаем скверну каленым железом!

Он картинно положил руку на эфес меча.

— Наши клинки не знают промаха! Мы — щит этого мира! Пока есть такие рыцари, как я, ни одна тварь не посмеет подойти к дороге!

Елена посмотрела на него. На его чистое, холеное лицо, на его полированный панцирь, на котором не было ни царапины.

Берта, сидевшая напротив, вдруг фыркнула. Она попыталась замаскировать это под кашель, но получилось плохо.

— Что смешного, женщина? — нахмурился Сириус, заглядывая в окно.

— Простите, милорд, — сказала Берта, не поднимая глаз от вязания, но в её голосе звучала откровенная насмешка. — Просто... вы ведь из Внутреннего легиона, верно?

— И что с того? — насторожился Сириус. — Это элита!

— Элита, — кивнула служанка. — Парадная. Золотые плащи, турниры в столице, охрана дворца. Красиво. Только вот с монстрами сражаетесь не вы. С монстрами сражаются егеря и Серые братья. Те, у кого лиц нет от шрамов. Те, кто неделями в болотах сидят, а не гарцуют на парадах. А Внутренний легион... вы монстра только на картинке в бестиарии видели, да на гербе герцога.

Повисла тишина. Только колеса стучали по ухабам.

Сириус покраснел так густо, что это было видно даже сквозь дорожную пыль. Он открыл рот, чтобы поставить наглухо служанку на место, но слова застряли у него в горле. Потому что это была правда. И он знал это. И знал, что они знают.

Елена смотрела на него. Впервые она не чувствовала раздражения. Она чувствовала... жалость.

Он был всего лишь мальчишкой. Избалованным, богатым мальчишкой, которого запихнули в красивые доспехи и заставили играть роль героя. Он боялся. За всем этим пафосом, за блеском и бравадой скрывался липкий, животный страх перед тем, что ждет их впереди. Перед настоящей войной, о которой он не знал ничего.

— Сириус, — позвала она тихо.

Он дернулся, глянул на неё исподлобья, ожидая очередной колкости.

— Сними маску, — сказала Елена. Её голос был спокойным, усталым, без привычного яда. — Ты не на параде. Здесь нет герцога, нет леди Изольды, нет восторженных дурочек с цветами. Здесь только мы. Дорога и реальность.

Он моргнул, растерянно глядя на неё.

— Если ты прекратишь изображать из себя памятник самому себе, — продолжила она, — и признаешь, что тебе, как и нам всем, страшно ехать в эту дыру... может быть, мы даже подружимся. Или хотя бы не перегрызем друг другу глотки до того, как доедем. Я терпеть не могу, когда люди врут сами себе. Это непрофессионально. И опасно.

Сириус застыл. Его рука медленно сползла с рукояти меча. Спесь слетела с него, плечи чуть опустились. На секунду он показался совсем юным и растерянным.

Он ничего не ответил. Просто резко дернул поводья, заставив коня отпрянуть от кареты, и поскакал вперед, к авангарду охраны. Но Елена заметила, как он оглянулся. Один раз. Коротко.

Она откинулась на подушки.

— А почему они не нападают? — спросила она у Берты, глядя на темную кромку леса вдалеке. — Если защиты нет? Наша карета — отличная мишень. Золото, лошади... я.

— Луна, госпожа, — ответила Берта, снова застучав спицами. — У монстров свои циклы. Сейчас луна убывающая, они спят в норах. Вылезают только в полнолуние и на черную луну. Редко когда днем сунутся. Да и... — она понизила голос. — Говорят, Совет магов нанял настоящий отряд чистильщиков. Они прошли этой дорогой два дня назад. Зачистили всё на версту вокруг тракта. Приказ был строгий: ни один волос с головы Святой упасть не должен.

Елена кивнула. Ну конечно. Логистика. Совет магов обеспечил безопасность груза.

Она снова посмотрела в окно.

Карета катилась дальше, удаляясь от безопасных стен, от ярких красок, от цивилизации. Мир вокруг становился все более диким, угрюмым и безнадежным.

Разрушенные дома. Заброшенные поля. Ощущение постоянной, давящей угрозы, которое висело в воздухе, как запах гари.

«Этому миру нужна не я, — с горечью подумала Елена. — Этому миру нужна Марина. Настоящая Святая. Та, кто могла бы зажечь свет, отогнать эту серость, дать людям реальную защиту, а не сказки про паломничество».

Она посмотрела на свои руки — тонкие, бесполезные руки чужой девочки.

Ей стало жаль этих людей. Жаль этого мира, который медленно умирал, пока знать пировала за высокими стенами. И впервые за все время ей стало по-настоящему жаль, что Марина не здесь. Не потому, что Елена хотела домой. А потому, что здесь, в этой серой пыли, Марина была нужнее.

— Прости, подруга, — прошептала она одними губами, глядя на горизонт, затянутый тучами. — Но кажется, ты кинула не только меня. Ты кинула их всех.

Глава 6. Свалка

Путешествие, которое Жрец пафосно назвал «священным паломничеством», на деле оказалось неделей ада в деревянном ящике.

К концу второго дня, когда даже самые красивые пейзажи начали сливаться в одну бесконечную серую полосу, Елена поняла, что сойдет с ума, если не найдет себе занятие. Читать было невозможно — карету трясло так, что строки прыгали перед глазами, вызывая тошноту. Спать тоже не получалось — каждый ухаб отзывался в позвоночнике болезненным ударом.

Оставалось только одно — социализация.

Берта, служанка, приставленная к ней, поначалу дичилась. Она сидела на краешке скамьи, пряча покрасневшие руки в складках передника, и вздрагивала каждый раз, когда Елена поворачивала голову. Но голод и скука — великие уравниатели.

— Берта, — сказала Елена на исходе вторых суток, глядя, как ловко мелькают спицы в руках девушки. — Научи меня.

Служанка подняла глаза, полные искреннего изумления.

— Чему, госпожа?

— Вот этому, — Елена кивнула на вязание. — Иначе я начну выть на луну раньше, чем мы увидим хоть одного монстра.

Берта неуверенно улыбнулась.

— Но это ведь... работа для простолюдинок. Святым негоже...

— Святым негоже умирать от скуки, — отрезала Елена. — Давай сюда спицы.

Так началось их странное обучение. Елена, привыкшая управлять многомиллионными бюджетами и строить сложные логистические схемы, с удивлением обнаружила, что её новые, тонкие пальцы совершенно не слушаются простых деревянных палочек. Петли получались кривыми, нитка путалась, а Берта, забыв о субординации, тихонько хихикала в кулак.

За этим занятием потекли разговоры.

Елена узнала, что ехать им предстоит неделю. Неделю! Когда Берта озвучила этот срок, Елена едва не сломала спицу.

— Неделю?! — переспросила она, чувствуя, как внутри закипает бешенство. — Они что, издеваются? Почему меня не предупредили? Я бы затребовала портал! Или дирижабль! Или что там у вас есть для быстрого перемещения!

— Порталы только для высшей знати и архимагов, госпожа, — пояснила Берта, ловко подхватывая спущенную Еленой петлю. — Они требуют прорву энергии. А дирижабли... говорят, они были раньше. До Великой Тьмы. Сейчас секрет утерян.

Елена скрипнула зубами. Логистика этого мира была на уровне каменного века.

— А остановки? — спросила она с надеждой. — Отели? Гостиницы? Душ?

— Будут постоянные дворы, — кивнула Берта. — Укрепленные. Там безопасно. Маги купола держат.

Они действительно останавливались. Но эти «постоянные дворы» больше напоминали военные форты. Высокие частоколы, рвы с водой, угрюмые стражники на вышках. Внутри — теснота, запах конского навоза и пережаренного масла.

В таких местах жизнь жалась к стенам. Люди смотрели на карету с гербом Солнца с угрюмой надеждой, но близко не подходили. Елена видела, как вечерами, когда солнце касалось горизонта, ворота запирали на огромные засовы, а над частоколом начинало мерцать слабое, синеватое свечение — магический купол.

— Местные маги, — пояснила Берта, когда они сидели в одной из таких «гостиниц», поедая жесткое мясо. — Недоучки. Те, кто не прошел аттестацию в столице. Они возвращаются

домой и защищают свои деревни. Им платят едой и кровом. А вот на тракте, в таких дворах, маги наемные. Им платят золотом.

— Зачем? — не поняла Елена. — Если они такие слабые?

— Потому что здесь опаснее, — Берта понизила голос. — Монстры чувствуют движение. Обозы, кареты... для них это как звонок к обеду.

— А зачем тогда я? — вырвалось у Елены. — Если у вас есть маги, купола, рыцари... Зачем этому миру Святая?

Берта посмотрела на неё странным, долгим взглядом. В нем была горечь и какая-то древняя, бабья мудрость.

— Магия Света — это стена, госпожа. Она может закрыть, спрятать, осветить. Но она не может выжечь скверну. Монстры — они ведь не просто звери. Они приходят из Пустошей, где сама земля проклята. Маг может убить одного монстра, десяток. Но Пустошь рождает их тысячи. Только Святая, с её чистой силой, может отогнать саму Тьму. Очистить землю. Сделать так, чтобы монстры не рождались.

— Ясно, — пробормотала Елена, чувствуя, как кусок мяса встал поперек горла. — Дезинфекция в планетарном масштабе.

— Мой брат был магом, — вдруг сказала Берта. Тихо, глядя в свою тарелку. — Сильным. Он работал на постоялом дворе «Три дуба». Два года назад туда пришли разбойники. Люди, не монстры. Они разбили кристалл-накопитель, чтобы украсть энергию. Купол пал. А ночью... ночью пришли твари.

Елена замерла.

— Все погибли?

— Все, — кивнула Берта. — Брат до последнего держал щит на своей личной силе, пока не выгорел.

Елена молча накрыла руку служанки своей ладонью. Теперь она понимала, почему эта девушка вызвалась ехать в глушь с незнакомкой. Она искала не денег. Она искала возмездия. Или хотя бы надежды, что смерть брата была не напрасной.

И от этого Елене стало еще тошнее. Она-то знала правду. Она — пустышка. Она не сможет никого спасти.

Сириус, который ехал рядом с каретой, тоже начал меняться. После того разговора в первый день он стал тише. Меньше гарцевал, больше смотрел по сторонам. Пару раз, на привалах, он даже пытался заговорить с Еленой нормально, без своего обычного пафоса.

— Ты как? — спросил он на третий день, протягивая ей флягу с водой. — Спина не отвалилась?

— Отвалилась и ушла пешком обратно в столицу, — буркнула Елена, принимая флягу. — Спасибо.

— Там, куда мы едем... — начал он неуверенно. — Говорят, места дикие. Ты... ты правда веришь, что сможешь там набраться сил?

Елена посмотрела на него. В его голубых глазах плескался страх, который он старательно прятал.

— Я верю в то, что выживание — это лучшая мотивация, Сириус. И тебе советую.

К концу недели Елена была готова убивать.

Её тело болело так, словно её били палками. Пейзаж за окном — серые поля, черные остовы деревьев, редкие укрепленные поселки — вызывал депрессию. Вязание надоело до чертиков.

Когда карета наконец свернула с тракта на разбитую грунтовую дорогу, ведущую к холмам, Елена выдохнула с облегчением.

— Приехали? — спросила она.

— Почти, госпожа, — отозвался кучер. — Вон он, Черная падь. Грейхолд, как его старики кличут.

Елена прильнула к окну.

Впереди, на высоком скалистом утесе, нависающем над долиной, стоял замок.

Издалека он выглядел внушительно. Темный камень, высокие башни, мощные стены. Но чем ближе они подъезжали, тем яснее становилось: это не крепость. Это руины.

Ворота висели на одной петле, скрипя на ветру, как висельник. Зубцы на стенах были выщерблены, словно их грызли великаны. Одна из башен наполовину обвалилась, и её внутренности торчали наружу, как гнилой зуб.

— Твою мать... — выдохнула Елена. — Это что, шутка?

Карета, подпрыгивая на камнях, въехала во внутренний двор.

И здесь Елена уже не сдержалась.

— Да вы охренели! — заорала она, распахивая дверцу еще до полной остановки.

Двор, который должен был быть плацем или хозяйственной зоной, представлял собой болото, заросшее бурьяном по пояс. Посреди этой роскошной флоры валялись сломанные телеги, гнилые бочки и кучи мусора.

Главное здание замка смотрело на мир пустыми глазницами разбитых окон. Крыша конюшни провалилась, и оттуда торчали стропила, похожие на ребра скелета.

Люди, которые вышли встречать «дорогих гостей», идеально вписывались в пейзаж.

Их было человек десять. Оборванные, грязные, с лицами, на которых читалась смесь страха и похмелья. Во главе этой делегации стоял мужик лет сорока, с красным носом и бегающими глазками. Он был одет в камзол, который явно знал лучшие времена (и, возможно, лучшего хозяина), и пытался изобразить поклон, едва не упав в грязь.

— Приветствуем... ик... Святую! — провозгласил он заплетающимся языком. — Добро пожаловать в Грейхолд! Жемчужину... ик... края!

Елена медленно спустилась с подножки кареты. Её золотое платье волочилось по грязи, но ей было плевать. Ярость, копившаяся неделю, наконец нашла выход.

Сириус спешил рядом. Он выглядел ошарашенным.

— Это что такое? — спросил он, оглядываясь. — Это же свинарник!

— Нет, Сириус, — ледяным тоном отозвалась Елена. — Свинарник — это там, где живут свиньи. А это — место преступления. Хищение в особо крупных размерах.

Она подошла к «управляющему». Тот попытался улыбнуться, обнажив гнилые зубы.

— Я — Барнабас, ваш покорный слуга, — заискивающе начал он. — Мы не ждали так скоро... не успели прибраться...

— Заткнись, — сказала Елена тихо.

Барнабас поперхнулся воздухом.

— Берта! — рявкнула Елена, не оборачиваясь. — Найди мне комнату, где не течет крыша. Пусть охрана разгрузит вещи. Сириус, проследи, чтобы лошадей не поставили в это... — она махнула рукой на разваленную конюшню, — убожество. Найдите место под навесом.

— Слушаюсь, — Берта, которая тоже была в шоке, мгновенно включилась в работу. Видимо, тон Елены напомнил ей о том, что перед ней не просто девчонка, а хозяйка положения.

— А ты, — Елена ткнула пальцем в грудь Барнабасу, — веди меня. Показывай владения.

— Но, госпожа... вы устали с дороги... может, сначала вина?

— Я сказала — показывай! — гаркнула она так, что вороны с карканьем взлетели с полуразрушенной башни.

Следующий час превратился в экскурсию по аду.

Елена заставила Барнабаса протащить её по всем закоулкам. Она увидела кухню, где слой жира на столах можно было срезать ножом. Она увидела библиотеку, где книги гнили от сыро-

сти, потому что в окнах не было стекол. Она увидела казармы, где спали пьяные стражники в обнимку с пустыми бутылками.

Она увидела кузницу, горн которой не разжигали годами. Она увидела подвалы, забитые не припасами, а пустыми бочками.

И, наконец, она увидела сердце замка — комнату с Кристаллом.

Это было единственное чистое место. Кристалл — огромный, мутный камень — стоял на постаменте. Вокруг него суетился тощий старик в грязной мантии. Местный маг.

Он даже не обернулся, когда они вошли.

— Эй! — окликнула его Елена.

Маг медленно повернул голову. Его глаза были пустыми и усталыми.

— Еще одна, — проскрипел он. — Прислали очередную дуру на убой.

— Я не дура, — сказала Елена. — Я ваш новый кошмар, если вы не начнете работать.

Почему купол такой слабый?

— Потому что я один, — равнодушно ответил маг. — А монстров много. И жрать мне нечего. Барнабас продал последние запасы маны месяц назад.

Елена медленно повернулась к управляющему. Тот вжался в стену, пытаясь стать невидимым.

— Продал? — переспросила она ласково. — Запасы маны? То есть топливо для защиты?

— Госпожа, вы не понимаете... времена тяжелые... нужно было платить наемникам...

— Каким наемникам? — Елена обвела рукой пустой зал. — Этим алкашам в казарме?

Она вышла во двор. Барнабас семенил следом, пытаясь что-то лепетать про трудности логистики и неурожай.

Елена остановилась посреди двора. Её охрана — столичные рыцари — уже спешили и с безразличностью осматривали место своей новой дислокации. Слуги замка — те самые оборванцы — жались по углам, наблюдая за странной сценой.

— Хватит, — сказала Елена.

Она повернулась к Барнабасу.

— Ты уволен.

Управляющий заморгал.

— Что? Госпожа, вы шутите? Кто будет вести дела? Я знаю здесь каждый камень! Я служу этому роду двадцать лет!

— Ты не служишь, — Елена подошла к нему вплотную. — Ты ворует. Ты довел замок до ручки. Ты продал защиту. Ты превратил людей в скот. В моем мире за такое сажают. Но здесь... здесь я просто вышвырну тебя вон.

— Вы не имеете права! — взвизгнул Барнабас, теряя остатки страха. — Я назначен Герцогом! Я напишу в столицу! Я...

— Сириус! — позвала Елена.

Герой, который стоял неподалеку, чистя сапог от грязи пучком травы, поднял голову.

— Да?

— Дай мне меч.

Сириус округлил глаза, но меч протянул. Тяжелый, с отличным балансом. Елена едва удержала его в своих слабых руках, но вид у неё был такой решительный, что никто не посмел усмехнуться.

Она оперлась острием в землю перед ногами Барнабаса.

— Видишь ворота? — спросила она.

Управляющий кивнул, глядя на лезвие.

— У тебя есть десять минут, чтобы собрать свои личные вещи. Только личные. Если я увижу у тебя хоть одну серебряную ложку или монету из казны — я отрублю тебе руку. Потом ты берешь ту клячу, что стоит у коновязи, и уматываешь отсюда.

— Но... ночь скоро! — заскулил Барнабас. — Черная луна! Монстры! До поселка день пути! Я не успею!

— Тогда скачи быстро, — посоветовала Елена. — Очень быстро. Потому что если ты останешься здесь, я прикажу охране повесить тебя на воротах как приманку для тварей. Время пошло.

Барнабас постоял секунду, глядя в её ледяные голубые глаза. Он искал там сомнение, жалость, страх. Но нашел только пустоту и сталь.

Он развернулся и побежал.

Через десять минут ворота со скрипом захлопнулись за спиной бывшего управляющего.

Елена стояла посреди двора, опираясь на меч Сириуса. Ветер трепал подол её грязного золотого платья.

Она обвела взглядом свои новые владения. Руины. Грязь. Голодные люди. И темнота, сгущающаяся над лесом.

— Ну что, — сказала она в тишину. — Добро пожаловать домой, Лена.

Она повернулась к Сириусу и протянула ему меч.

— Завтра подъем на рассвете. У нас много работы. И, Сириус...

— Да? — он смотрел на неё с какой-то новой, странной эмоцией. Уважением?

— Найди мне ванну. Даже если для этого придется нагреть воду в котле на кухне. Я хочу смыть с себя этот день. И эту жизнь.

Она развернулась и пошла к главному входу, не оглядываясь. Внутри все дрожало от усталости и страха, но спину она держала прямой.

Где-то там, в темноте, выли волки. Или монстры. Ей было плевать. Самый страшный монстр в этом замке сегодня — это она сама.

Глава 7. Хозяйка Руин

Солнце над Грейхолдом вставало так же, как и всё в этом проклятом мире — с неохотой, продираясь сквозь грязные, седые тучи. Его лучи не приносили тепла, они лишь безжалостно высвечивали масштаб пиздеца, в который угодила Елена.

Она открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок. Потолок был целым. Ни дыр, ни зияющих провалов, сквозь которые капала бы ледяная вода, ни плесени, свисающей влажными лохмотьями. Это была единственная комната во всём замке, сохранившая хотя бы видимость пригодности для жизни, и Берта, эта святая женщина, нашла её вчера ночью, пока Елена отмокала в лохани.

Окно выходило не на заваленный мусором внутренний двор, а на другую сторону скалы, откуда открывался вид на уходящий вниз, в долину, лес. Ставни были плотно закрыты, но сквозь щели пробивался тусклый утренний свет. В углу, в огромном каменном камине, уютно потрескивали дрова. Настоящие, сухие дрова. Берта умудрилась развести огонь, пока Елена спала мертвым сном, провалившись в небытие после перезапуска Кристалла.

Елена села на кровати. Тело ломало так, будто её пропустили через мясорубку, а затем собрали обратно, забыв пару важных деталей. Тонкие, чужие руки дрожали от банального мышечного истощения.

— Сука, — произнесла она вслух, наслаждаясь тем, как хрипло и сухо звучит её голос. В этом слове не было истерики, только холодная, констатирующая факт злоба.

Она вспомнила лощеное, елейное лицо Верховного Жреца. Вспомнила Совет магов — сборище маразматиков в мантиях, которые отправили её сюда умирать, прикрыв это красивым словом «паломничество».

«Какая же вы все оторванная от реальности хуйня, — подумала Елена, откидывая тяжелое шерстяное одеяло и опуская босые ноги на ледяной каменный пол. — Вы думали, я тут загнусь в первую же ночь. Думали, свернусь калачиком под дверью и буду плакать, моля Свет о спасении. Хуй вам. Я вытаскивала компании из банкротства, когда на счетах был минус, а кредиторы уже пилили двери болгарками. Ваш Грейхолд — это просто очередной кризисный актив».

Она встала, накинула поверх льняной сорочки плотный серый плащ и подошла к камину, протягивая озябшие руки к огню. Выбора не было. Можно сколько угодно проклинать Марину, Жреца и этот мир, но реальность от этого не изменится. У неё есть замок, похожий на декорации к фильму про постапокалипсис, десяток бесполезных рыцарей, горстка оборванцев из местной прислуги и Кристалл, который сожрет сам себя через неделю, если не найти для него топливо.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату проскользнула Берта. В руках она держала поднос, от которого поднимался пар.

— С добрым утром, госпожа, — служанка неуверенно улыбнулась, ставя поднос на небольшой столик у окна. — Я принесла кашу. Нашла немного крупы в дальнем ларе. Барнабас до неё не добрался, крысы погрызли мешок, но я перебрала. И травяной отвар.

Елена подошла к столу. Каша выглядела как серый клейстер, но пахла сносно.

— Спасибо, Берта. Ты спасаешь мою жизнь уже второй раз за сутки, — Елена взяла деревянную ложку и начала есть. Вкуса не было, но желудок, сжавшийся в болезненный комок, с благодарностью принял горячее варево. — Какой у нас баланс личного состава? Кто-то сбежал ночью?

— Нет, госпожа, — Берта покачала головой, явно удивляясь терминологии, но улавливая суть. — Ворота-то заперты. Да и купол теперь стоит плотный, синий. Люди всю ночь спали спо-

койно, впервые за долгие месяцы монстры не выли под стенами. Сириус и его рыцари заняли южную казарму, прислуга ютится на кухне.

— Отлично. Мне нужен человек. Один из солдат охраны. Тот, у кого в глазах есть хотя бы проблеск интеллекта, а в крови на данный момент нет алкоголя.

— Есть такой, госпожа. Десятник Ренн. Он вчера Барнабаса за шкирку выкидывал. Хмурый, но вроде деловой.

— Тащи его сюда. Прямо сейчас. И принеси мне мой сундук.

Через десять минут в дверь постучали. В комнату вошел Ренн — коренастый, жилистый мужчина лет тридцати с перебитым носом и цепким, колючим взглядом. Он не был похож на блестящих столичных павлинов из свиты Сириуса. На нем была потертая кожаная броня, а на поясе висел простой, но отлично сбалансированный рабочий меч. Он окинул Елену быстрым взглядом, оценив, что «Святая» сидит в простом плаще у камина, закинув ногу на ногу, и в её позе нет ни капли смирения.

— Вызывали, ваша святость? — голос у Ренна был хриплым, как несмазанная телега.

— Вызывала, — Елена встала. Она подошла к своему сундуку, открыла тяжелую крышку и достала оттуда тугой кожаный мешочек. Внутри глухо звякнуло золото. — Слушай меня внимательно, Ренн. Мне плевать на то, во что ты веришь и как относишься к Ордену. Мне нужен исполнительный человек для критически важной задачи. Ты умеешь ездить верхом и не попадаться на глаза тварям?

Десятник хмыкнул.

— Я вырос на границе с Пустошами, госпожа. Если надо, я проеду так, что меня и собственная тень не заметит.

— Прекрасно. Бери лучшую лошадь из конюшни рыцарей. Если будут возбужать — скажи, что это прямой приказ Елены. Не «Святой», а Елены. Твоя задача — доскакать до ближайшего крупного поселения или города. У нас есть бюджет. — Она бросила мешочек ему в руки. Ренн поймал его, удивленно взвесив на ладони. Там была сумма, за которую можно было купить небольшую деревню вместе с жителями.

— Приоритет номер один: мана. — Елена подошла к нему вплотную, глядя снизу вверх своими пугающе холодными голубыми глазами. — Найди торговцев, гильдию, кого угодно. Скупи все кристаллы-накопители, которые сможешь утащить. Если маны не будет, наш купол рухнет через шесть дней, и мы все здесь сдохнем, включая твоих блестящих товарищей. Приоритет номер два: продовольствие. Вяленое мясо, зерно, соль. Приоритет номер три — кадры.

— Кадры? — переспросил Ренн, сдвинув брови.

— Люди. Рабочие руки. Плотники, каменщики, кузнецы, просто крепкие мужики и бабы, которые хотят жрать. Распусти слух в тавернах: Грейхолд нанимает. Замок платит настоящим золотом, а не обещаниями вечной жизни. Здесь есть купол и безопасный периметр. Мне нужны люди, чтобы вытащить это место из дерьма. У тебя сутки на дорогу туда, сутки там, и сутки обратно. Вопросы?

Ренн смотрел на девчонку, которой на вид было лет восемнадцать, и чувствовал странный холодок по позвоночнику. Она не просила. Она не умоляла Светом. Она отдавала четкие, структурированные приказы, как матерый генерал перед осадой.

— Никак нет, госпожа. Сделаю. — Он коротко кивнул, развернулся по-военному четко и вышел за дверь.

— Берта, — Елена повернулась к служанке, которая с благоговением наблюдала за этой сценой. — Одеваться. Надевай мне то шерстяное синее платье. Золотой саркофаг пусть валяется в сундуке. Мы идем на экскурсию. Будем проводить инвентаризацию активов.

Выйдя во внутренний двор, Елена сощурилась от резкого порыва холодного ветра. При дневном свете Грейхолд выглядел еще более удручающе. Это был труп гиганта, которого забыли похоронить.

Елена шла по грязи, не обращая внимания на то, как пачкается подол её платья. Берта семеняла следом. К ним тут же пристроился один из рыцарей охраны — молодой парень с испуганными глазами, которому Сириус явно приказал ходить за «Святой» тенью.

— Что это за место изначально? — спросила Елена, проводя ладонью по грубой, циклопической кладке донжона. Камни здесь были подогнаны так плотно, что между ними нельзя было просунуть лезвие ножа, но время и отсутствие ухода брали своё: местами кладка крошилась, поросшая черным мхом.

— Это родовое гнездо графов Вальдилов, госпожа, — тихо ответила Берта. — Они были великими воинами до Великой Тьмы. Этот замок строили не для балов. Его строили, чтобы перекрывать ущелье Черной пади. Оттуда, — она махнула рукой в сторону сизых гор на горизонте, — всегда лезла нечисть. Замок был щитом.

— А потом?

— А потом графы разбогатели, обросли жирком, перебрались поближе к столице и королю. Воевать стало не модно. Модно стало носить шелка и плести интриги. Грейхолд оставили на попечение управляющих. Сначала присылали сюда гарнизон, потом перестали. А потом сюда сослали Барнабаса за какие-то прегрешения. Он и довел дело до конца.

«Классика, — усмехнулась про себя Елена. — Основатели строят империю кровью и потом, а их дети-мажоры проедают капитал в коворкингах и на Бали, оставляя производство гнить под руководством вороватых менеджеров».

Они обошли рухнувшую стену. Под ногами хрустел битый сланец. Внезапно в нос ударил густой, душливый запах навоза и мокрой шерсти.

Елена остановилась. Перед ней был длинный дощатый сарай, сколоченный из остатков дорогих замковых дверей и мебели. Изнутри доносилось хрюканье и тяжелое дыхание.

Она толкнула кривую дверь. В полутьме сарая копошились свиньи. Огромные, грязные, покрытые струпьями, но живые и мясистые. В дальнем углу уныло жевали прелое сено три тощие коровы, больше похожие на вешалки для шкур.

— Хоть что-то, — выдохнула Елена. — Барнабас был пидорасом, но не полным идиотом. Оставил НЗ. У нас есть мясо и, возможно, немного молока. Кто за ними ухаживает?

— Немногочисленная челядь, госпожа, — отозвался рыцарь-охранник, морща нос от вони. — Они тут... как звери живут.

— Собери их всех. Прямо сейчас. В центре двора. Поставь там стол и два стула. И скажи поварам, пусть вынесут котел с горячей кашей, — скомандовала Елена, разворачиваясь на каблуках.

Через полчаса во дворе царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в дырявых крышах.

Десять человек. Всего десять человек местной прислуги, которые не сбежали, потому что бежать им было некуда. Они стояли кучкой, прижимаясь друг к другу. Мужчины, женщины, один подросток лет двенадцати. Они напоминали Елене шахтеров после забоя — грязные, с ввалившимися глазами, в лохмотьях, от которых несло застарелым потом и отчаянием. Они смотрели на Елену, сидящую за тяжелым дубовым столом, как на божество, которое сейчас решит их судьбу. Божество было молодым, бледным и смотрело на них с пугающей, сканирующей холодностью.

Рядом с Еленой стояла Берта, выполняя роль секретаря. Чуть поодаль пыхтел Сириус, который только что выполз из казармы. Герой выглядел помятым, но доспех нацепить не забыл, опираясь на эфес меча с таким видом, будто прямо сейчас готовился отражать атаку невидимых драконов.

— Слушайте меня внимательно, — голос Елены разрезал двор, как лезвие. — Барнабаса больше нет. Я — ваша новая хозяйка. Я не собираюсь читать вам проповеди о свете и благодати.

Свет вас не накормит и дыры в крыше не залатает. Нас ждет адский труд. Кто не хочет работать — ворота открыты, можете идти кормить монстров прямо сейчас. Никого держать не буду.

Люди переглянулись. Никто не сдвинулся с места.

— Отлично. Тогда мы переходим к кадровому аудиту. Подходить по одному. Называть имя, возраст и то, что вы умеете делать руками. Головой вы вряд ли умеете, иначе не сидели бы в этом дерьме.

Сириус хмыкнул, но Елена бросила на него такой взгляд, что он мгновенно заткнулся.

Первым к столу, шаркая ногами, подошел старик. У него не хватало половины зубов, а руки дрожали крупной дрожью.

— Торвальд я... госпожа Святая. Шестьдесят весен. Я... я подметаю. Раньше у лошадей убирал.

Елена окинула его взглядом. Мышечной массы ноль. Выносливости ноль. Но у него были узловатые, привыкшие к инструментам пальцы.

— Торвальд. Дерево чувствуешь? Рубанок в руках держать сможешь?

Старик моргнул.

— Так... баловался в молодости. Резал фигурки...

— С сегодняшнего дня ты не метешь дерьмо. Ты перебираешь все оставшиеся в замке доски. Находишь те, что не сгнили. Мне нужны новые топорища, новые черенки для лопат и клинья для дверей. Если сделаешь до вечера десяток крепких черенков — получишь кусок мяса к каше. Иди.

Старик, не веря своему счастью, закивал так, что чуть не потерял голову, и отбежал в сторону.

— Следующий!

Подошла женщина лет сорока. Лицо, изрезанное морщинами, жесткие, обветренные губы.

— Ирма. Готовлю. Стираю.

Елена сцепила пальцы в замок, опираясь локтями на стол. Это было классическое стресс-интервью.

— Ирма. У нас есть три гнилые морковки, мешок крупы с мышинным говном и кусок засохшего сала. Как ты накормишь двадцать здоровых мужиков так, чтобы они завтра смогли таскать камни и не сдохли от поноса?

Ирма насупилась. В её глазах мелькнула искра злости — профессиональной злости.

— Крупу промой в трех водах. Говно всплывет, солью. Моркву обжарю на сале до шкварок, чтобы дух пошел. Сварю густую похлебку. Нажористо будет, госпожа. Мужик с такого не дрищит, мужик с такого пашет.

Елена едва заметно улыбнулась.

— Принята. Ты теперь шеф-повар. Ирма, вся кухня на тебе. Тех двух поварят, что приехали со мной из столицы, отдаю тебе в подчинение. Гоняй их в хвост и в гриву, они неженки. Выбьешь из них дурь — дам серебряную монету лично тебе.

Женщина выпрямилась, её плечи развернулись. Она впервые почувствовала себя не куском мяса, а человеком с властью.

— Сделаю, госпожа.

Один за другим они подходили к столу. Елена сортировала этот человеческий мусор с жестокостью искусственного интеллекта. Из забитого, заикающегося парня она вытащила информацию, что он знает все тропы вокруг замка, где растут ягоды и дикий лук — он стал фуражиром. Угрюмого, молчаливого мужика со шрамом через все лицо, который раньше просто таскал воду, она после двух минут допроса назначила ответственным за инвентаризацию оружейной, поняв, что он бывший наемник, спившийся от тоски.

Она искала в них зерна пользы. И она их находила. Это был не мусор, это был ресурс, брошенный гнить под дождем.

К концу второго часа у неё была сформирована черновая структура управления: завхоз, старший строитель, шеф-повар, фуражир и пятеро чернорабочих.

— Берта, — сказала Елена, откидываясь на спинку стула и разминая затекшую шею. — Выдай всем по полной миске каши. Порции удвойть. Они должны начать обрастать мясом.

Сириус, который всё это время наблюдал за процессом, подошел ближе. На его идеальном лице читалось снисходительное недоумение.

— Елена... ты серьезно? — он обвел рукой жующих прислуг в грязной одежде. — Ты доверяешь защиту и восстановление замка этим... кротам? Они же дегенераты. У них в глазах пустота.

Елена медленно перевела взгляд на рыцаря.

— Сириус. Ты когда-нибудь собирал механизм из того, что нашел на свалке?

— Я благородный рыцарь! Я не копаюсь на свалках!

— Оно и видно. Так вот, слушай сюда, герой. Эти «кроты» выжили здесь, пока твой хваленый Орден протирал бархатные штаны в столице. Они знают, где сквозняки, знают, где крысы, знают, как не сдохнуть от холода. Они полезнее, чем ты с твоим сияющим мечом. А теперь скажи мне, какую ценность здесь представляешь ты?

Сириус вспыхнул. Уязвленное самолюбие ударило ему в голову, как дешевое вино.

— Я несу Свет! — гордо выпятил он грудь. — Я могу очистить это место! Моя магия выжигает гниль! Пока ты ковыряешься с кашами и дровами, я покажу тебе, как настоящая сила может восстановить Грейхолд!

Он резко развернулся и зашагал в сторону разрушенных конюшен — самого крупного завала на территории двора. Рыцари из его отряда вытянулись, с обожанием глядя на своего командира.

— Стой, дебил! — крикнула Елена, вскакивая из-за стола, но было поздно.

Сириус подошел к груде почерневших, сгнивших бревен, которые когда-то были крышей конюшни. Он закрыл глаза, запрокинул голову, картинно раскинул руки в стороны. Его доспехи начали излучать ослепительно-белый, режущий глаза свет. Воздух вокруг него задрожал, запахло озоном и чем-то приторно-сладким.

— Во имя Великой Богини! Изыди, Скверна! Восстань, чистота! — взревел он баритоном, который был бы идеален для театральной постановки.

С его ладоней сорвался концентрированный сгусток белого пламени и ударил прямо в центр завала.

Елена инстинктивно прикрыла лицо руками.

Это не было созидание. Это не было очищение. Магия Света в этом мире была абсолютным, неконтролируемым антиподом гниения. Когда концентрированный Свет ударил в доски, пропитанные десятилетиями гнили, навозом и плесенью, произошла аннигиляция.

Раздался оглушительный взрыв. БАБАХ!

Ударная волна сбила с ног стоявших поблизости слуг. Елену отшвырнуло назад, она больно ударилась бедром о край тяжелого стола. В воздух поднялся столб черного дыма, пыли и горячей щепы. Во все стороны полетели куски дерева, камни и куски затвердевшего дерьма, барабанила по уцелевшим стенам и доспехам рыцарей. Завизжали перепуганные свиньи в соседнем сарае.

Когда пыль немного осела, Елена закашлялась, отмахиваясь от едкого дыма.

На месте разрушенной конюшни не появилось новой. На месте разрушенной конюшни теперь зияла дымящаяся, черная воронка диаметром метров в десять. От бревен не осталось даже пепла. Разлетевшиеся куски дерева пробили несколько чудом уцелевших крыш на соседних пристройках, а один здоровенный булыжник вынес дубовую дверь в подвал.

В центре этого локального апокалипсиса стоял Сириус. Он был весь покрыт толстым слоем черной копоти. Его идеальные золотистые волосы слиплись от грязи и торчали в разные стороны. На лице сквозь сажу блестели только ошарашенные голубые глаза, моргающие с частотой стробоскопа.

Он опустил руки и неуверенно оглянулся на своих рыцарей. Те стояли, приоткрыв рты, и стряхивали с наплечников горящий мусор.

— Ну... — выдавил из себя Сириус, пытаясь изобразить свою фирменную ухмылку, которая на закопченном лице смотрелась как оскал шахтера. — Зато гнили больше нет. Мы расчистили площадку...

Елена стояла молча. Она смотрела на пробитую крышу склада, которую Торвальду теперь придется чинить неделями. Смотрела на перепуганных слуг, которые только-только начали верить в стабильность. Внутри неё, где-то в районе солнечного сплетения, зарождался ядерный гриб концентрированной корпоративной ярости. Это была та самая ярость, которую она испытывала, когда криворукий джуниор-разработчик случайно сносил базу данных в продакшене.

Она пошла к нему.

Она шла медленно, не обращая внимания на дымящиеся угли под ногами. Её шаги были чеканными. Рыцари Сириуса, почувствовав исходящую от неё ауру абсолютного, нечеловеческого гнева, инстинктивно расступились.

Сириус попытался выпрямиться, расправить плечи.

— Елена, я понимаю, это выглядит немного хаотично, но Свет...

Он не договорил.

Елена подошла к нему вплотную. Ростом она доставала ему едва ли до груди, но сейчас это не имело никакого значения. Она замахнулась тонкой, белой рукой и отвесила ему сокрушительный, звонкий подзатыльник.

ХЛЯСЬ!

Звук удара ладони о затылок в полной тишине прозвучал как выстрел из пистолета. Голова «Первого клинка Ордена» мотнулась вперед. От неожиданности и унижения Сириус поперхнулся воздухом и сделал нелепый шаг назад, едва не свалившись в воронку.

— Ты что творишь?! — взвизгнул он, хватаясь за ушибленное место. В его глазах стояли слезы обиды. — Как ты смеешь?! Я...

Елена схватила его за ворот закопченной рубахи, выглядывающей из-под панциря, и с нечеловеческой для этого тела силой дернула на себя. Её лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его. Глаза Елены были как два куска сибирского льда.

— Слушай меня сюда, ты, кусок сияющего долбоёба, — голос Елены был тихим, ровным, но в нем лязгали такие стальные нотки, что стоящие рядом рыцари побледнели. Она не фильтровала слова. Ей было глубоко поебать на средневековый этикет. — Твоя магия — это кувалда. А мы здесь собираем часовой механизм. Ты только что уничтожил остатки строительного леса, пробил крышу склада, в котором лежит наше зерно, и навел панику на персонал.

— Я уничтожал Скверну! — попытался пискнуть Сириус, пытаясь вырваться, но хватка Елены была стальной.

— Ты уничтожил инфраструктуру! — рявкнула она ему прямо в лицо. — Запомни раз и навсегда, золотой мальчик. Ты — инструмент. И с этой секунды ты не смеешь применять свою ебучую магию без моего прямого, устного, блять, приказа. Ты не светишься. Ты не стреляешь пламенем. Ты не молишься вслух. Ты даже пернуть светлячком не имеешь права без визы с моей стороны!

Она отпустила его ворот и брезгливо вытерла перепачканную сажей руку о свой плащ.

— Если я увижу, что ты или любой из твоих людей колдует на территории замка или деревни без моего разрешения... — Елена сделала шаг назад, обведя взглядом Сириуса и его притихший отряд. — Клянусь, я не буду писать на вас жалобу Герцогу. Я лично оторву тебе

голову и засуну её тебе в задницу так глубоко, что ты будешь видеть свои гланды изнутри. Я ясно выражаюсь, сир де ла Вальер?

Сириус тяжело дышал. По его щекам сквозь копоть пролегли две чистые дорожки от выступивших слез обиды и шока. Он был раздавлен. Публично кастрирован перед своими людьми и местными оборванцами. И самое страшное — он чувствовал, что эта хрупкая девчонка не блефует. Она действительно найдет способ это сделать.

Он медленно, судорожно сглотнул.

— Ясно... ваша святость.

— А раз ясно, — Елена отвернулась от него, теряя к нему всякий интерес, как к устраненному багу. — Бери своих рыцарей. Бери лопаты. И идите зачищать крышу склада, которую вы мне только что пробили. До вечера чтобы ни одной щели не было. Торвальд скажет, как класть доски. Выполнять!

Сириус, повесив голову, побрел в сторону сарая с инструментами. Его элита, Внутренний легион, молча поплелась за ним. Никто не проронил ни слова.

Елена подошла к своему столу. Её руки слегка дрожали от выброса адреналина. Она оперлась о столешницу, тяжело дыша.

Берта подошла к ней, протягивая кубок с водой. В глазах служанки читался священный трепет, смешанный с первобытным ужасом.

— Госпожа... вы его... он же рыцарь...

— Он некомпетентный ресурс, Берта, — Елена сделала глоток, смывая сажу с пересохших губ. — И если он не умеет читать мануалы к своим навыкам, он будет работать лопатой.

Она посмотрела на двор. Местные слуги, которых она только что наняла, стояли молча, но их спины были прямыми. Они видели, как «Святая» поставила на место столичного лорда ради их безопасности. И в этот момент Елена поняла, что окончательно купила их преданность. Не золотом. А тем, что показала: в этом замке есть закон. И этот закон — она.

— Ирма! — крикнула Елена.

— Да, госпожа! — повариха подскочила как ужаленная.

— Добавь в кашу Сириуса побольше лука. Пусть поплачет. А нам нужно составить смету на восстановление ворот. За работу.

Грейхолд лежал в руинах, пропахший дымом, говном и старыми тайнами. Но шестеренки уже начали крутиться. Хозяйка уже взялась за него со всей прытью технического директора. И теперь эти руины, погрязшие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.